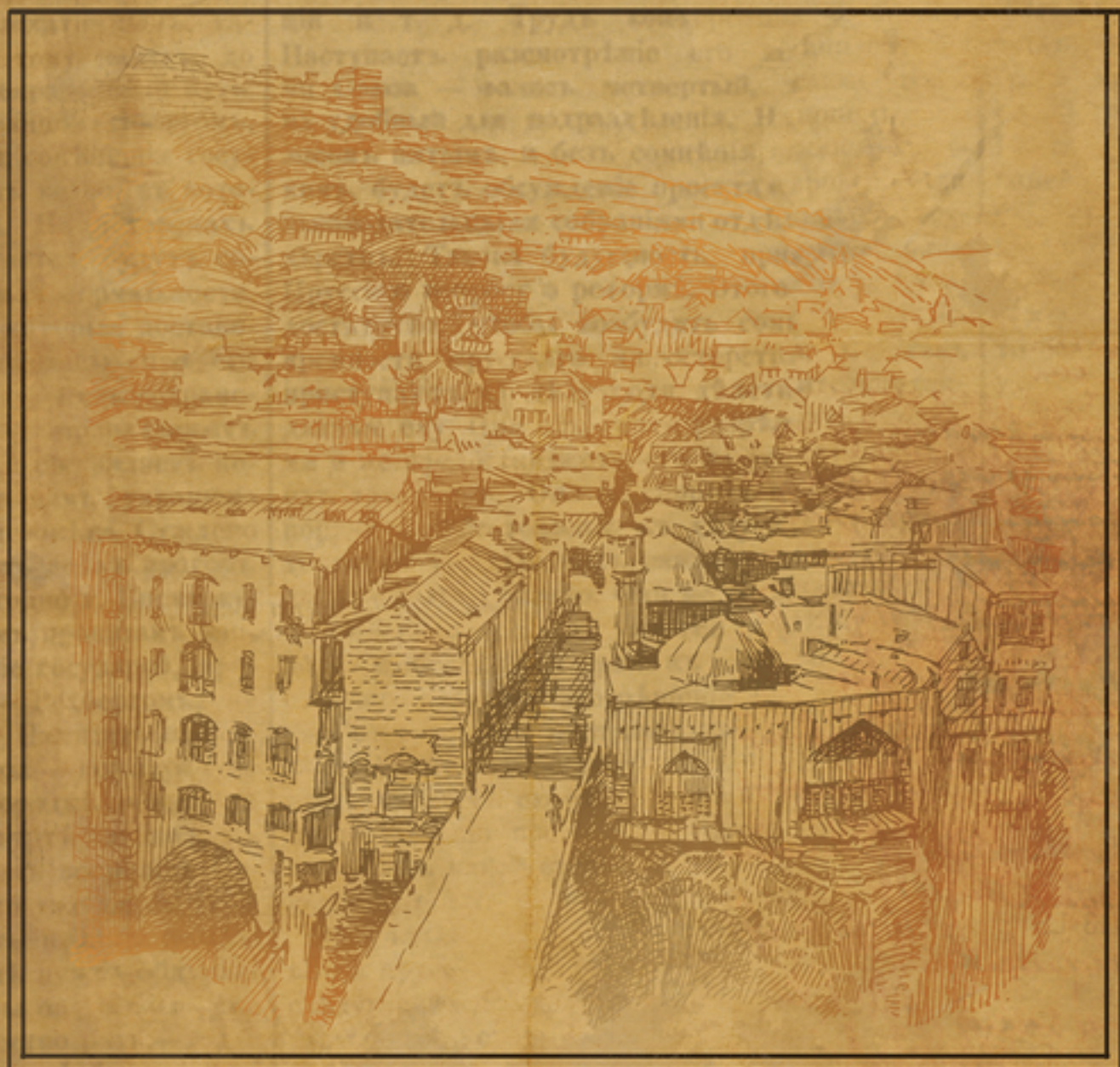

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Тифлис 1904

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей

Сыщик Его Величества

Николай Свечин

Тифлис 1904

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-321.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Свечин Н.

Тифлис 1904 / Н. Свечин — «Автор», 2017 — (Сыщик Его Величества)

ISBN 978-5-699-98960-7

Полиция давно подозревала, что где-то на окраине империи существует особое преступное предприятие, помогающее бандитам отмывать меченые деньги и ценные бумаги. «Большая постирочная» — так называли его сыщики. Как только у Департамента полиции появилась ниточка, ведущая в Тифлис, Лыков выехал на Кавказ проводить дознание... На месте выяснилось, что услугами Тифлисского казначейства по отмывке краденых денег пользовались мошенники, бандиты и террористы со всей страны. Расследование столичного гостя пришлось не по нраву главарям «постирочной». Едва Лыков приступил к дознанию, как один за другим начали погибать важные свидетели. Кто-то явно уводил сыщика с верного пути... и вел прямиком к смерти.

УДК 821.161.1-321.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98960-7

© Свечин Н., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Николай Свечин
Тифлис 1904. Происшествия из службы
сыщика Алексея Лыкова и его друзей

*Автор благодарит Б. В. П-ва, скрывающегося под ником term100,
за дружескую помощь в написании этой книги.*

Художественное оформление *Петра Петрова*

Иллюстрации в тексте и на переплете *Екатерины Асадчевой*

Глава 1

«Большая постирочная»

28 апреля 1904 года русский посланник в Берне Жадовский шел из гостиницы, где проживал, на службу в миссию. К нему приблизился странно одетый человек. Не говоря ни слова, он вынул револьвер и выстрелил дипломату в голову. Жадовский упал, а неизвестный остался стоять рядом. И сдался подбежавшему полицейскому без сопротивления.

Неслыханное происшествие всполошило не только тихий, всегда сонный Берн, но и Петербург. Покушение на посланника! Не иначе, террористы из Боевой организации партии эсеров. Уже начали охотиться на царевых дипломатов, негодяи. Министр внутренних дел Плеве срочно командировал в столицу Швейцарии своего лучшего сыщика, коллежского советника Лыкова, велел в кратчайшие сроки раскрыть преступление.

Алексей Николаевич давно не проводил столь легкого дознания. Когда он прибыл в Берн, местная полиция оказала ему полное содействие. Швейцарские власти чувствовали неловкость. Посланник – особа сакральная, почти священная, поскольку представляет своего монарха. Его полагается оберегать. Но от нападения сумасшедшего никто не застрахован, а тут как раз был такой случай. На Жадовского покушался психический, заявили в полиции. И предъявили русскому коллеге этого террориста.

Лыков допросил его и убедился, что так оно и есть. Арестант назвался турецким подданным, а в прошлом русским офицером по фамилии Ильицкий. Поляк! Эти господа и во сне грезят о независимости. Но Ильицкий оказался обычным душевнобольным. Психиатры называют это ранней деменцией¹. Бывший помещик наделал долгов, и его имение отобрали в казну. Он судился, проиграл процесс, уехал в Швейцарию и принялся в газетах обличать несправедливости на своей бывшей родине. Заодно сменил подданство. Странно, что окружающие не замечали его невменяемости. А пресса охотно предоставляла поляку возможность обливать Россию грязью. Но болезнь прогрессировала, и отставной поручик решил мстить.

К счастью для дипломата, револьвер у поляка оказался дрянной. Пуля попала в голову, но не пробила даже височной кости. Обливаясь кровью, Жадовский сам дошел до отеля «Бернс-хоф» и уже там потерял сознание. Теперь он поправлялся, ранение было неопасным. А душевнобольного стрелка ждала не тюрьма, а психиатрическая лечебница.

Лыков быстро разобрался в происшествии, отбил телеграмму Плеве и попросил разрешения вернуться. Получил согласие и через двое суток уже оказался в своем кабинете на Фонтанке, 16. Здесь его помощник губернский секретарь Азвестопуло сообщил важную новость.

Сергей Манолович появился в Департаменте полиции лишь в марте этого года. Лыков присмотрел его себе в Одессе. Коллежскому советнику давно требовался помощник. В службе ведомства лет десять как произошел перекося. Уголовным сыском занимались два-три человека, а прочие силы были брошены на борьбу с политическими противниками. Между тем уголовная преступность в стране нарастала, как снежный ком. В Польше, Забайкалье, Одессе и на Кавказе творилось черт-те что. А Ростов-на-Дону! Там сложился новый экономический район, собралось много пришлого элемента – и в итоге власть получила еще одну клоаку. Даже традиционно тихие города средней полосы показывали рост уголовных преступлений – особенно бандитизма и других покушений на личность.

В Одессе Лыков и познакомился с Азвестопуло. Тот служил надзирателем сыскного отделения и помогал командированному дознавать диковинное преступление. Некий Бухало, служащий Бессарабской земской управы, сдал на одесский почтамт денежный пакет. Стоимость

---

¹ Ранняя деменция – так до 1908 года называли шизофрению. (Здесь и далее примеч. автора.)

отправления он назначил приличную – 30 050 рублей. Адрес получателя – Берлин. Земец получил квитанцию и уехал. А пакет через час взорвался в руках у почтового чиновника и нанес ему тяжелое ранение. В посылке оказался пироксилин. Бухало надеялся, что взрыв произойдет в почтовом вагоне и тогда ему выплатят обозначенную на отправлении сумму. Но гореломбист не рассчитал время и теперь сидел на каторге.

В ходе дознания Азвестопуло произвел хорошее впечатление на Лыкова, и тот переманил его в столицу. Губернский секретарь разгрузил коллежского советника от рутины, но помогал и в важных делах. Он напоминал Лыкову его самого в молодости, поскольку ничего не боялся. Но были и отличия: Азвестопуло быстро обучался, намного быстрее, чем его нынешний начальник. Еще Сергей был очень артистичен. Он мог сыграть кого угодно: фартового, аристократа, человека из простонародья... Лыков в своих похождениях тоже менял личину, но изображал лишь собственный типаж, иначе беда!

Сейчас старый и молодой сыщики пытались раскрутить крупное дело. Полицейские давно подозревали, что где-то на необъятных просторах империи существует необычное преступное предприятие. Они называли его «большая постирочная». Банковские громилы присваивали значительные суммы в наличных деньгах или доходных бумагах. Воры обчищали богатые квартиры. Революционеры проводили свои экссы. Во многих случаях добыча оказывалась опасной для ее обладателей. Номера крупных банкнотов или серий² были записаны, и потерпевшие сообщали их в полицию. И при попытке обернуть купон или разменять билет преступники попадались бы. Возникла необходимость «отстирать» меченые средства, заменить их обычными деньгами. И кто-то очень ловко проделывал эту операцию.

Так, в сентябре 1903 года, пятеро разбойников напали на почтовый вагон близ станции Ново-Сенаки Поти-Тифлисской железной дороги. Они связали почтальона и сопровождающего чиновника и завладели денежной посылкой. В ней находилось 102 000 рублей, и номера купюр были частично переписаны. Но ни один преступник не попался. Банковские билеты были потом обнаружены в казначействах Астрахани, Баку и Ташкента, причем попали они туда законным образом, через третьи руки, и никак не выводили на след бандитов. Похожие истории случались не раз. Грабители подломили кассу Товарищества Рябовской мануфактуры и украли 60 000 в доходных бумагах. Кассир предъявил полную опись бумаг – а потом их отыскивали. Дирекция Мурманской железной дороги оплатила ими квартирный налог для своих служащих! Сама она получила меченые серии от подрядчиков, а те – в своих банках.

Полиции стало очевидно, что в деле замешаны лица из финансового ведомства. Без содействия казначейства, а может, и не одного, подобные аферы невозможны. Банковские конторы тоже были на подозрении, но лишь как пособники жуликоватых чиновников. Ведь именно в казначействах деньги смешиваются и обезличиваются. Сунь ворованный банкнот в пачку обычных и отошли в другой город. Там пачку разобьют, и после двух-трех операций билет вручат в виде пенсии отставному капитану. Ищи после этого, кто и где первым вбросил украденное.

Лыков с Азвестопуло головы сломали, придумывая, как им подловить «большую постирочную». Ясно было, что она где-то на окраине, где слабее надзор и где вокруг идет оживленная торговля с большими оборотами. Это или Кавказ, или Туркестан. Ревизоры Коковцова провели негласную выборочную проверку, но ничего не обнаружили. В Министерстве финансов до сих пор не все было в порядке – может, поэтому? С тех пор, как выгнали Витте, настоящий хозяин не появился. Плеске, что сменил Сергея Юльевича, вскоре заболел и от дел отошел. Полуживого, его перевели в Государственный совет умирать. Новым министром стал Владимир Николаевич Коковцов. Добрый приятель Плеве, он был у него раньше товарищем³, когда

² Серия – облигация и другая доходная ценная бумага, которая имела отрезной купон для получения процентов.

³ Товарищ министра – заместитель.

Вячеслав Константинович служил государственным секретарем. Два министра работали слаженно, и МВД впервые удостоилось добавочного финансирования, чего раньше, во времена вражды между Витте и Плеве, и представить было невозможно. Но Коковцов получил пост лишь два месяца назад и еще не вполне овладел ситуацией. Его подчиненные были плохими помощниками сыщикам. За день до отъезда Лыкова в Берн Владимир Николаевич приезжал к Плеве и просил усилить работу по обнаружению мошенников. Орел⁴ обещал. Он уже дал коллежскому советнику разгон за медленное дознание. Алексей Николаевич чувствовал, что скоро ему предстоит трудная командировка. Но только куда – на Кавказ или в Туркестан?

И вот теперь Сергей выяснил важный факт. Он встретил шефа подначкой:

– Пока вы там, Алексей Николаич, швейцарское пиво потрещали ведрами, мы тут без дела не сидели.

– Ну-ка, чего ты узнал, пока я пьянствовал?

– Как только вы уехали, нашли в Петербурге труп.

– Где и чей?

– На Пороховском шоссе, – пояснил губернский секретарь. – У ручья, напротив казарм Четвертого мортирного артиллерийского парка. А чей – это самое интересное. Покойником оказался Степка Фокин по кличке Латунный.

– Это важнейший на Выборгской стороне домушник? – уточнил Лыков.

– Он, стервец.

– И как погиб Степан Михалыч?

– От удара ножом в печень. Профессионально.

– Свои порешили? – предположил коллежский советник. – Скрыл добычу? Латунный известен своей нечестностью, его и били уже за это не раз.

– Весьма вероятно, – кивнул Азвестопуло. – Но нам интересно другое. Убийцы отобрали у Степки все вещи – даже сапоги стащили. А вот потайного кармана на кальсонах не заметили. И когда люди из сыскной полиции обыскивали покойника, то обнаружили там почтовую квитанцию: за день до смерти Латунный отослал денежный пакет на сумму три тысячи рублей. Адрес получателя – Тифлис, почтамт, штабс-капитану Багдасарову.

– Для чего ты мне это рассказываешь? – скривился Лыков. – Почистил кого-то Латунный. Обманул товарищей, и его за это зарезали. Рядовое происшествие.

– А вот и нет! – воскликнул Сергей. – Не рядовое. Потому что сыскные успели перехватить тот пакет. И когда вскрыли его, сразу передали дело сюда, в департамент.

Алексей Николаевич насторожился, ожидая продолжения. И подчиненный не замедлил сообщить:

– Там лежали купоны государственной четырехпроцентной ренты, украденные у вдовы купца Рогова. На одном из купонов сделан карандашом расчет. Латунный хотел бумаги в деньги обернуть. Из пятнадцати процентов, как вы и предполагали.

– Точно?

– Точно. Степка собирался уступить добычу с лажем⁵. Вот, глядите!

Последнюю фразу сыщик чуть не выкрикнул. Он картинно извлек облигацию и шлепнул ею об стол.

– Любишь ты театральные эффекты... – пробормотал Лыков. Схватил бумагу и стал разбирать написанные цифры.

– Да, пятнадцать процентов... А получатель, говоришь, в Тифлисе? Багдасаров? Выяснили, кто такой?

---

⁴ Орел – прозвище В. К. Плеве среди подчиненных.

⁵ Лаж – в данном случае скидка для покупателя.

– Выяснили... пока вы пиво пили. Во всей империи есть только один штабс-капитан Багдасаров, и служит он на Кавказе. А именно в Кавказском стрелковом артиллерийском дивизионе. Стоит дивизион в селении Гомборы. Полдня езды от Тифлиса.

– Значит, Кавказ?

– Кавказ, Алексей Николаевич. Вы и здесь оказались правы.

Два сыщика немного успокоились и начали обсуждать новость.

– Думаешь, Багдасаров – посредник? Клиентов собирает для «постибочной»?

– Допускаю, Алексей Николаевич. Фамилия армянская, переделанная из Багдасаряна. Военное министерство с характеристикой штабса пока тянет. Но национальность настораживает.

Лыков пожал плечами:

– А что армяне? Все жулики, что ли? Торговая нация, это правда. Любят деньги? А кто их не любит?

– Но не просто же так в кармане убитого вора оказалась бумага с расчетами и фамилией штабс-капитана! – возмутился губернский секретарь. – Пятнадцать процентов, типичный лаж за обмен меченых купонов. Значит, Багдасаров – посредник. Вполне правдоподобно. Пять-семь таких людей, на которых никто и не подумает, собирают по России заказы на «отстирку» денег. И отвозят в главную квартиру. Офицер, артиллерист. И поди ж ты, имя его у главного выборгского домушника записано!

– Надо мне ехать в Тифлис, трясти этого артиллериста, – вздохнул Лыков. – Черт, как весна, так командировки... Опять охота накрылась. – Потом посмотрел на подчиненного с надеждой: – А может, успею облебастрить дело и вернуться? У нас там на Ветлуге снег поздно сходит.

Сергей Манолович ехидно ухмыльнулся:

– Тоже мне Тургенев-Аксаков. Записки ружейного охотника с Фонтанки... Идите к министру, он о вас уже спрашивал. Где, мол, там мой лучший сыщик?

Плеве встретил коллежского советника радушно. Он любил Лыкова за надежность. Профессионалы есть, а вот верных людей не осталось. Год назад противники Орла пытались подкупить Лыкова, да не на того напали⁶. С тех пор Вячеслав Константинович, и раньше уважавший Алексея Николаевича, стал особенно ему доверять. В итоге сыщику доставались такие поручения, о которых никому нельзя было рассказывать. Количество сильных противников множилось. «Что же со мной будет, когда Плеве убьют, – иногда думал Лыков, – ведь в порошок сотрут на радостях... Но козь попала собака в колесо – визжи, а бежи».

Министр выслушал рапорт о дознании в Берне и остался доволен:

– Очень хорошо. Хотя бы здесь нет политической подкладки, и преступник – просто сумасшедший. Так и доложу Его Величеству. У вас все?

– Все, Вячеслав Константинович.

– Тогда срочно приступайте к новому делу. Вам уже рассказали новость?

– Рассказали. Прикажете выехать в Тифлис?

– И немедленно. Как намерены действовать? Дело тонкое... по понятным причинам.

– Да уж, ваше высокопревосходительство. Там, где замешаны военные, всегда тонко. Особенно если идет война.

Оба помолчали, понимая предстоящие Лыкову трудности. Военный министр и так противится любым полицейским дознаниям в отношении офицеров. А тут еще кампания против японцев – необходимо было поддерживать в народе дух патриотизма. Подозрение на штабс-капитана в соучастии его в уголовном преступлении оказалось бы совсем некстати.

---

⁶ См. книгу «Лучи смерти».

– Сахарова я успокою, – сказал Вячеслав Константинович. – А как быть с князьком? Он, говорят, после покушения сделался совершенным психопатом.

Сахаров был новым военным министром, сменившим уехавшего на войну Куропаткина, а князь Голицын – высшим должностным лицом в крае. Полностью его титулы звучали так: главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказского военного округа, наказной атаман Кавказских казачьих войск, член Государственного совета, почетный опекун, сенатор, генерал-адъютант, числящийся по Генеральному штабу генерал от инфантерии. Григорий Сергеевич управлял краем с 1896 года и за это время успел сильно рассориться с армянами. Именно он втянул государя в процесс конфискации имущества Армянской апостольской церкви, приведший к кровопролитию.

В результате 14 октября 1903 года на князя было устроено покушение. Трое боевиков напали на коляску, в которой чета Голицыных возвращалась с утренней прогулки. Один террорист запрыгнул на ступеньку экипажа со стороны княгини и через нее нанес генералу три удара кинжалом в голову. А другие двое попытались вытащить князя из коляски с противоположной стороны. Но их сиятельства не растерялись. Жена вцепилась в парня с кинжалом и не дала ему нанести смертельный удар. А от тех, кто тащил его наружу, сам Голицын отбил тростью. Затем с козел соскочил урядник, охранявший князя, и вступил в борьбу с нападавшими. В это время кучер хлестнул лошадей, и те рванули. Боевики остались на дороге. Ранив урядника в ногу, они бросились бежать в заросший кустарником овраг, но далеко уйти не сумели. На выстрелы подоспели постовой городской и посетители ближайшего духана. Затем явились конные стражники и казаки. Все они устремились в погоню. В итоге два террориста были убиты, а третий смертельно ранен. Они оказались армянами, что еще больше усилило ненависть Голицына к этой нации. Князь получил три раны в голову сквозь фуражку. Он легко отделался, но, по слухам, начал после этого заговариваться.

– У князя есть помощник, генерал от инфантерии Фрезе, – сообщил министр своему чиновнику особых поручений. – Вполне вменяемый. В случае, ежели беседа с Голицыным не сложится, обратитесь к нему. Я телеграфировал уже Александру Александровичу, он поможет.

– Разрешите идти? – встал Лыков.

– Нет. Еще одно, но не для огласки. Посмотрите там общую обстановку.

– В каком смысле, Вячеслав Константинович?

– У государя возник вопрос: не пора ли менять князя? Видимо, доходят неудобные слухи. Он поручил мне их проверить. Тут как раз ваша командировка. Соберите мнения, примеры неудачной деятельности, глупости этого... генерал-адъютанта. Что о нем думают обыватели и что чиновники.

– Эти не скажут, побоятся.

– Найдите тех, кто не испугается. Можете сослаться при этом на мое поручение. Особо спросите, кого умные местные деятели видят сменщиком Голицына.

– Слушаюсь.

– Ну и держите меня в курсе этого поганого дела с «постирочной».

Глава 2

Первые впечатления

Коллежский советник добирался до места три дня. Уже двадцатый век, а скорости все равно черепаши. Научатся ли люди когда-нибудь летать, как птицы? Последнюю ночь Лыков провел в купе бакинского поезда. В половине девятого утра он ступил на пыльный перрон станции Тифлис-город Владикавказской железной дороги. И сразу почувствовал себя на Востоке. Крик стоял такой, словно вокруг происходило массовое убийство, а это всего лишь носильщики делили пассажиров. Кроме них подскочили факторы гостиниц, продавцы сувениров и чичероны. Отмахнувшись от всех сразу, Алексей Николаевич вышел на площадь и сел в первый попавшийся фаэтон. Приказал ехать в «Лондон», который ему хвалили петербургские знакомые. Возница оказался старовер, чистенький, аккуратный. Экипаж только что помыли, и он источал сильный запах керосина. Приняв седока, извозчик гикнул, как абрек, и погнал. А командированный стал вертеть головой по сторонам. Ого! Ай да перемены!

Он не был в столице края с того самого времени, когда ловил турецкого шпиона Лемтюжникова⁷. Девятнадцать лет прошло, и Тифлис сильно изменился. По крайней мере та его часть, которая раньше называлась Колония. Немцы-колонисты уехали отсюда, и на месте их поселения выросли новые широкие проспекты. Дома в три этажа, вполне европейской архитектуры, а главное – улицы прямые, что не принято было в Тифлисе раньше. «Теряет, теряет старый город свое туземное очарование... Будто ты в Варшаве или на Петербургском форштадте Риги», – думал Лыков.

Впрочем, отличия нашлись быстро. Посреди проспекта (извозчик назвал его Михайловским) почему-то были навалены кучи земли и камня. Экипажи с трудом их объезжали. Мостовая оказалась разворочена, а по бокам рабочие устанавливали необычные столбы. Рельсы конно-железной дороги выкорчевывали, и на их место клали новые.

– Это не трамвай ли у вас тянут? – догадался гость.

– Ага, – подтвердил возница. – Электрическая железная дорога. Вот сделают ее, и не будет нам работы совсем, анафема! Всех седоков себе заберут.

– Не бойся, без вас не обойдуться. Я был и в Киеве, и в Нижнем Новгороде. Там эта дорога уже есть, а извозчиков меньше не стало. Когда еще до окраин рельсы протянут.

Молоканин тут же вцепился в пассажира как банный лист: стал расспрашивать про трамваи, как они уживаются с извозным промыслом. Экипаж тем временем свернул на площадь с каким-то памятником (Воронцову, вспомнил сыщик) и выехал на мост. Лыкова и раньше удивляло, почему вода в Куре такого зеленого цвета. Посреди находился большой плоский остров – Мадатовский, весь занятый лесопильными заводами. Когда стали переезжать правый рукав, внизу обнаружилось множество плотов. От рукава исходило сильное зловоние: он был запружен, рядом стояла большая мельница. И зачем сделали помойку посреди города?

---

⁷ См. книгу «Пуля с Кавказа».

Фаэтон остановился перед гостиницей. Лыков осмотрелся и поморщился: шумно вокруг, да и с реки пахнет. «Лондон» стоял в конце Мадатовской улицы, прямо возле Михайловского моста. В обе стороны по нему ехали повозки, вперемешку с ними гнали стадо коров, громко кричали уличные продавцы.

– погоди, не уезжай, – сказал приезжий вознице. – Я, может, передумаю. Потише-то есть места?

– Отсюдова вид хороший, лучший в городе. Которые... как их? Ну, зеваки приезжие...

– Туристы?

– Во! Туристы. Они любят тут селиться. Александровский сад опять же близко.

Лыков подозвал городского и попросил совета: где есть хорошие гостиницы, но чтобы в тихом месте. Тот, видимо, нюхом учуял полицейского чиновника, потому ответил подробно и с тактом. По его словам, номеров в городе много: «Северные», «Южные», «Французские», «Московские», есть даже просто «Номера». Но лучшей считается гостиница «Кавказ» на Эриванской площади.

Коллежский советник вручил служивому полтинник и приказал извозчику:

– Вот туда и вези.

Фаэтон покатыл по улицам, которые делались все менее европейскими и все более восточными. Молоканин пояснял:

– Это вот Солдатский базар. А это Пушкинская улица. Сочинитель был такой... Там дале Армянский базар, все что хошь купить можно.

Вскоре они выехали на большую площадь. С одной ее стороны стояло красивое здание в мавританском стиле, с башенкой и часами – Городская дума. С другой – скучный корпус казенной архитектуры, с колоннами и часовым у входа. Лыков узнал штаб округа – девятнадцать лет назад ему приходилось тут бывать. Середину площади занимал караван-сарай Тамамшева, напоминавший огромный сундук. Надо же было так выстроить, подумал приезжий – караван-сарай уродовал площадь, съедая все пространство вокруг. Гостиница «Кавказ» открывала выходящую с Эриванской нарядную и широкую Дворцовую улицу. Солидно, пристойно и в самом центре. Лыков распорядился нести вещи – ему тут понравилось.

У его жилища быстро нашлись и другие преимущества: дворец наместника, в котором теперь жил главноначальствующий, находился в двух шагах. Гость позавтракал, побрился и принял ванну – большая редкость в Тифлисе. Он знал, что с водой в столице края проблемы, как, впрочем, и с уличным освещением, и с канализацией. Древний, полный легенд город отставал от веяний времени.

Переодевшись в вицмундир, командированный направился во дворец. Он взял из дома лишь старшие ордена. Много чести князю таскать на встречу с ним весь иконостас. Поэтому сейчас на мундире были оба Владимира и солдатский Георгий. Скромно и в то же время внушительно.

Однако в приемной князя думали иначе. Молодой прилизанный секретарь небрежно оглядел гостя и сказал, что его сиятельства нет и сегодня не будет.

А когда будет?

Кто ж его знает... Запишитесь на прием и оставьте свой адрес; когда назначат вам встречу, тогда известим. Но обычно князь занят и поручают приемы своему помощнику. И вообще, разумнее сразу отметить у Фрезе. После чего приготовиться ждать несколько дней, пока у того дойдут до гостя руки.

Лыков много бывал на окраинах империи и знал, как там распущены чиновники. Вдали от столицы они чувствуют себя царьками. Старые кавказцы, храбрые, гостеприимные и деятельные, все давно в отставке. А новые кадры, которые привел Голицын, ленивы и высокомерны.

Сыщик вынул открытый лист, подписанный Плеве, и предъявил секретарю. Тот внимательно его изучил, посерьезнел. С грозным министром внутренних дел ссориться дураков нет. А выражения в открытом листе были самые сильные: оказать полное и безотлагательное содействие.

– Господин коллежский советник, – пробормотал бюрократ. – Прошу понять меня правильно. У нас есть своя специфика...

– Она не в том ли заключается, чтобы игнорировать распоряжения верховного начальства?

– Нет, конечно же нет. Я затрудняюсь в выборе выражений. Дело в том, что его сиятельство сейчас не сможет вас принять. После тех событий визиты к нему действительно сведены к минимуму... Чтобы не перегружать раненую голову князя.

Лыков не поверил своим ушам:

– Не перегружать голову? Наместнику огромного края? А как же он вообще служит, если здоровье не позволяет?

Секретарь беспокойно оглянулся, словно боясь, что их услышат. И понизил голос:

– Этот вопрос не ко мне, извините, а к тому самому верховному начальству.

– Вы хотите, чтобы я его туда передал?

Чиновник начал сердиться:

– Опять вы меня неправильно поняли! Я мелкая сошка, мне ли судить главноначальствующего. Да и не вам, уж коли на то пошло, господин приезжий. Государь без нас с вами разберется. Или вы с ним на короткой ноге?

– Я нет, но министр – да. Наш с вами общий министр, напомним. Я прибыл по его личному распоряжению. Дело срочное, важное и секретное. А вы предлагаете мне оставить адрес и подождать несколько дней.

– Готов сию минуту отвести вас к Александру Александровичу Фрезе, – принял серьезный вид секретарь. – Поверьте, так будет и быстрее, и лучше. Князю сейчас ставят пиявки. После них он обычно делается раздражительный. В интересах дела, сами понимаете, лучше начать с Фрезе. А если понадобится, он лично устроит вашу встречу с князем.

– Ладно, ведите, – смирился командированный. Он подумал, что надо сообщить министру о царящих тут порядках. Но не сейчас, по приезде в край, а потом, на докладе. Тем более ему прямо поручено составить мнение. Если во дворце сибарит, то и подданные его обычно не перетруждаются на службе. Значит, подобные сцены сыщик увидит еще не раз. И бумага за подписью Плеве чем дальше удаляешься от Петербурга, тем меньше весит. Знакомая ситуация.

Лыков немного знал помощника главноначальствующего. В 1896 году Фрезе недолго был товарищем министра внутренних дел Горемыкина, и сыщик по службе с ним общался. Поэтому сейчас генерал встретил питерца радушно:

– Получил телеграмму от Плеве, жду вас, Алексей Николаевич. Как доехали? Где поселились?

– Спасибо, все в порядке. Позвольте сразу к делу?

Фрезе насупился. Лыков понимал, что перед ним человек опытный и ответственный. Александр Александрович трижды резко менял свою жизнь. Начинал он как горный инженер. В этом качестве молодым офицером принял участие в туркестанских походах, искал полезные ископаемые на присоединенных землях, резался с кокандцами. Затем перешел на военную службу и там преуспел. На русско-турецкой войне он сначала состоял в отряде Гурко, потом осаждал Плевну. Когда гарнизон крепости под командой Осман-паши ринулся на прорыв, полковник Фрезе предложил командованию срочно послать на левый фланг турецкой позиции Самогитский полк. Этот маневр оказал важное влияние на ход битвы. Фрезе стал георгиевским кавалером и генерал-майором. Долго служил в Петербурге и, между прочим, семь лет командовал лейб-гвардии Егерским полком. Потом поехал на Кавказ начальником штаба округа – и там сменил военную службу на гражданскую. Был Эриванским, затем Виленским губернатором, товарищем министра, а в 1897-м получил назначение помощником к князю Голицыну. В минувшее Рождество стал генералом от инфантерии. Часто замещал главноначальствующего, который любил надолго уезжать в столицу и не спешил возвращаться... И вот теперь Фрезе тянул весь воз административной работы – даже при наличии во дворце хозяина края.

– Ваше дознание касается штабс-капитана Багдасарова?

– Да, ваше высокопревосходительство.

– Будет вам, Алексей Николаевич. Какое я превосходительство? Помнится, в Петербурге мы именовали друг друга по имени-отчеству.

– Так то в Петербурге, Александр Александрович. Столица отсюда далеко. Увы, мое дознание касается офицера. Как это ни прискорбно.

– Вы подозреваете его в соучастии в мошенничестве?

– Слишком мягко сказано, – ответил сыщик. – Он, возможно, помогает бандитам «отмывать» запачканные кровью деньги. Все преступники попадают на сбыте добычи, это самый опасный для них момент. И штабс-капитан, как мы считаем, уменьшает их риски. Много хуже, чем просто мошенничество, согласитесь.

Фрезе скривился, по его суровому лицу ходили желваки. Наконец генерал сказал:

– Я не могу взять это на себя в обход главноначальствующего. Князь... э-э...

– ...должен лишь дать санкцию, – подсказал Лыков.

– Да, именно так. Пусть их сиятельство только кивнет. Остальное мы сделаем. Но вам надо повидаться с князем и убедить его кивнуть. Потому как речь идет об офицере.

– Я понимаю, Александр Александрович. Для этого и пришел. Секретарь сразу все пояснил. Когда мы с вами увидим князя Голицына?

Фрезе откинул крышку часов:

– Сейчас Григорию Сергеевичу ставят пиявки. Э-э...

– Секретарь и это пояснил. Нужно, чтобы к его сиятельству вернулось спокойное расположение духа. Когда это случится?

Генерал виновато посмотрел на гостя:

– Алексей Николаевич, уж извините, но у нас так... Минут двадцать лучше обождать, для пользы дела. Расскажите заодно петербургские новости.

– А чаю с пахлавой дадите?

– Конечно! Вы когда последний раз были на Кавказе?

Умница и труженик Фрезе развлекал коллежского советника полчаса. Лыков терпеливо отвечал на его вежливые вопросы. Наконец помощник сказал:

– Теперь можно. Пойдемте.

И начал оправлять перед зеркалом мундир. Ну и дела...

Князь Голицын принял командированного на площадке у бокового выхода. Изящная лестница из белого камня спускалась отсюда в сад. Под навесом помещались стол и единственное кресло. В нем восседал хозяин края. Рядом вытянулся во фронт стройный красавец грузин с погонами ротмистра на черкеске. Внизу лестницы застыл часовой, возле ворот – еще один. Похоже, террористы сильно напугали князя.

Голицын увидел посетителей и захлопал глазами. Отодвинул чашку, сунул помощнику руку, не поднимаясь с кресла, и уставился на незнакомца.

– Это коллежский советник Лыков, чиновник особых поручений Департамента полиции, – пояснил Фрезе. – Он прибыл по личному распоряжению Плеве. Дело касается возможного участия офицера Кавказского военного округа в преступном сговоре.

– Мой офицер и в сговоре? – удивился князь. – Такого не может быть.

– Фамилия офицера – Багдасаров, – уточнил Александр Александрович.

– Багдасаров? – фамильярно влез в разговор грузин. – Армяшка, что ли?

– Начальник личного конвоя главноначальствующего ротмистр Чачибая, – представил Лыкову собеседника Фрезе.

Мужчины обменялись короткими поклонами. Тут князь оживился:

– Армяшка? Ну, тогда понятно. От этих обезьян можно ожидать и не такого. Александр Александрович, распорядитесь.

И потянулся к заварному чайнику. Чачибая повел бровью, камердинер бросился помогать главноначальствующему. А Фрезе за рукав потянул Лыкова на лестницу. Они спустились в сад и пошли вглубь его. Когда крыльцо пропало за деревьями, генерал облегченно вздохнул:

– Ну и слава богу. Санкция получена, остальное за мной. Не обессудьте, Алексей Николаевич, так в последнее время выглядит управление краем.

– Это он после ранения? – осторожно предположил коллежский советник.

Генерал сказал о другом, будто оправдываясь:

– Я нарочно акцентировал фамилию офицера, чтобы получить нужный результат.

– А если бы подозреваемый был, к примеру, грузин?

– Тогда не знаю.

– Чачибая подзадоривал князя. Он близкий к нему человек?

– Начальник личной охраны всегда близкий человек, – невесело усмехнулся Фрезе. – А этот Арзакан Георгиевич так... прихвостень. Все его интересы заключаются в получении повышенного оклада содержания.

– Почему Голицын ненавидит армян?

– Никто не знает. Так было с самого начала. А когда выяснилось, что покушавшиеся принадлежали к партии «Гнчак», стало совсем худо.

– Армяне – влиятельные и богатые люди, весь Кавказ у них в руках, – не удержавшись, стал горячиться Лыков. – Как можно с ними ссориться? А зачем князь покусился на имущество их церкви? Ведь столько людей из-за этого погибло!

Фрезе терпеливо возразил:

– Не делайте скоропалительных выводов. Поживите у нас, осмотритесь.

– И что я тогда увижу, Александр Александрович?

Генерал от инфантерии и коллежский советник уселись на скамейку. Фрезе стал объяснять:

– Противоармянскую политику начал еще покойный государь. Александр Третий увидел, или ему кто подсказал, что на Кавказе оживился национализм...

– А это действительно имело место? – перебил генерала сыщик.

– Имело, – отрезал Фрезе. – При Александре Втором ребятам дали слишком много воли. На них поставили, чтобы воспрепятствовать исламизму. А в результате у армян быстро развилось чувство национальной исключительности. При свойственном этой нации нахальстве представляете, что вышло? Потом от чувства исключительности уже полшага до независимости. Армяне заговорили о возрождении своего великого царства, причем от Турции аж до Воронежа! Где гора Арарат и где Воронеж? Государь в итоге повелел уменьшить их присутствие на государственной службе, и чернявых стали массово увольнять. Следом царь издал указ, исключающий преподавание истории и географии Армении из школьных учебных планов. А вскоре и сами армянские школы присоединили к общерусской системе образования. Так что начал не Голицын, а предыдущий русский самодержец.

Армяне первое время терпели гонения, а татары⁸ терпели армян. Все было более-менее спокойно до девяносто второго года. Но потом государь Александр Третий снова вмешался: отменил старое городское положение. По нему, гласные городских дум наполовину состояли из христиан, наполовину – из иноверцев. Государь повелел оставить нехристианам резко пониженную норму – одну пятую от состава всех гласных. Догадываетесь, что после этого началось?

– Эта мера была направлена против евреев, заполонивших думы в западных губерниях, – сказал Лыков.

Генерал досадливо отмахнулся:

– Я не знаю, что там в западных губерниях. А у нас на Кавказе просто нет столько христиан. Нет, ясно? Подавляющая часть населения – мусульмане. И по новому положению они оказались почти не представлены в городских думах. Квоту, которую у них отобрали, тут же заняли армяне.

– Почему не грузины?

– А черт его знает! Грузины мало интересуются такими вещами, им скучно утверждать бюджет, заниматься канализацией или проведением трамвая. Сидеть в духане и пить вино – вот их любимое занятие.

– Александр Александрович, но ведь это не так. Зачем вы наговариваете на достойный народ?

Генерал смутился:

– Виноват, совсем тут обайбачился. Конечно, это не так. Грузины – храбрые и доброжелательные люди. Но согласитесь, что предприимчивости им, в сравнении с армянами, не хватает.

– С этим соглашусь, – не стал спорить Лыков. – Однако что с городскими думами?

– Ах, с ними. Так вот, когда почти всех татар повыкидывали из гласных, их места, как я только что сказал, заняли исключительно армяне. Ладно еще у нас в Тифлисе: их сорок процентов населения. А в Баку меньше десяти! И такое непропорциональное присутствие в городском самоуправлении. Нет, я считаю закон от тысяча восемьсот девяносто второго года ошибкой.

– Мусульмане обиделись?

– И очень сильно. Их можно понять. Армянам принадлежат вся торговля и вся промышленность. Они ведут себя как жида в Западном крае! Скупают за полушку, а продают за рубль. И их никак не обойти, сразу бойкот. Но народ на Кавказе дикий. Конфликты решают не в суде, а кинжалом. Тем более армяне всегда считались у горских народов законной добычей. Баранами, которых можно и должно стричь. И вдруг они забрали всю власть.

---

⁸ Татары в то время в Российской империи называли всех мусульман.

– Так, значит, не одни армяне виноваты! – воскликнул сыщик. – Кому хочется быть бараном? Веками эту нацию стригут и бреют все, кому не лень. Им в конце концов надоело.

– Кавказ – страна джигитов, а не хлебопашцев, – со вздохом согласился Фрезе. – Кража чужого скота не считается тут преступлением, а идет за доблесть. В ходу кровная месть. Разбойников больше, чем во всей остальной империи, вместе взятой. Поездите по здешним дорогам: за каждым поворотом таблички на скале. Я сначала слезал, читал их. Везде одно и то же: на этом месте в таком-то году была ограблена почта, или коляска, или караван, были убиты такие-то и такие-то. Кавказ истекает кровью без всякой войны. Человеческая жизнь тут ничего не стоит. Вот буквально вчера был случай в Эриванской губернии. Шел по дороге бакинский татарин⁹. Его обогнала арба с другим татаринком. Пешеход попросил подвезти до базара, а в ответ услышал ругань. Не думая ни секунды, он снял с плеча винтовку и застрелил обидчика! За пустяк, за грубое слово. Своего земляка и единоверца. Вот так здесь обстоят дела. Но самое нелепое произошло дальше. Убийца залез в арбу и покатил в ней на базар. А труп хозяина подложил под себя, чтобы удобнее было сидеть. Приехал, бросил повозку и отправился за покупками. Народ смотрит – из арбы течет кровь. Заинтересовались, нашли мертвеца и начали делать предположения. Кто-то вспомнил, откуда взялась повозка и кто в ней сидел. Отыскивали убийцу в духане – тот как ни в чем не бывало закусывал. Схватили дурака, а он лишь удивился: вай, как я мог забыть про тело, надо было его по дороге в пропасть выкинуть. Ума палата! – Генерал передохнул и продолжил: – Для чего я вам это рассказываю? Чтобы вы поняли, как тут все устроено. И вот армяне захватили власть в городах. В которых живет подобное дикое население. И что из этого получилось? Распря между теми и другими. Грузины, хоть и православные, тоже сплошь и рядом принимают сторону татар. А тут в костер подкинули новых дров.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду армянскую резню в Турции в конце века. И наш закон от тысяча девятисот первого года, по которому семьдесят пять тысяч армянских беженцев оттуда были расселены в пределах России.

– Но государь спас этих людей. Турки их просто убивали.

– Надо было подумать в первую очередь о своих подданных, – горячо возразил генерал. – Кавказ не каучуковый, свободных земель тут нет. Пришли толпы новых людей и сломали привычный уклад жизни. Пахотных угодий, воды, леса и без них не хватало. А стало еще хуже. Туземцы возненавидели армянских пришлецов, начались конфликты. Но те явились не сами по себе, они привели с собой «Дашнакцутюн»¹⁰. И это накалило обстановку до крайности. Ведь не было до той поры в России никаких армянских боевых отрядов, и жили – не тужили. Как-то обходились без фидаинов¹¹. А теперь от них никому спасения нет, ни своим, ни чужим.

– Ни своим? – удивился Лыков. – Что плохого делают фидайны своей нации?

– Как что? – удивился в свою очередь генерал. – А то вы не знаете? Боевики-дашнаки обложили армянских предпринимателей данью – пять процентов от прибыли. Кто не хотел платить, был убит; теперь платят все. В полицию сообщать боятся, понимают, что она их не защитит.

– Для каких целей собираются эти деньги? Александр Александрович, поверьте: в Петербурге об этом знают единицы. Я, например, совершенно не в курсе, хотя служу в Департаменте полиции двадцать с лишним лет. Поясните, будьте добры.

Фрезе покосился на гостя: не смеется ли он? Понял, что нет, и вздохнул.

⁹ Бакинский татарин – азербайджанец.

¹⁰ «Дашнакцутюн» – армянская политическая партия, практиковавшая в том числе и терроризм.

¹¹ Фидайи – боец армянской самообороны.

– Тут давняя история. Заварили кашу турки, а хлебаем ее мы. В тысяча восемьсот девяносто четвертом году в Османской империи начались массовые убийства армян. Резали курды, по приказу султана Абдул-Гамида...

– Для чего это понадобилось султану? – перебил сыщик. – Ему что, спокойная жизнь надоела?

– Так ведь турки! Мусульмане-фанатики. Султан – глава панисламизма и даже больше – пантюркизма. Слыхали об этом?

– Слыхал. Уже несколько лет туземцы на Кавказе и в Туркестане получают подметные письма: скоро будет война с неверными, все мусульмане должны выступить вместе под властью великого султана. Уже и в Казани получили такие письма-инструкции. Эмиссары приезжают, электризуют людей. А теперь стали запасать на окраинах оружие.

Фрезе вздохнул:

– Мягко как формулируете... То ли фактов не знаете, то ли уклоняетесь от честного разговора. А разговор трудный! Пантюркизм глубоко въелся в умы татар. Сами они, кстати, все чаще называют себя кавказскими турками. Идеологи мутят народ всю...

– Идеологи? Известно, кто они?

– А то! Главных двое. Журналист Ахмед-бей Ага-оглы Агаев (кстати, выпускник Сорбонны) и врач Али-бей Хусейн-заде. Оба проживают в Баку как ни в чем не бывало и от полиции не прячутся. Они пропагандируют объединение всех народов «великой тюркско-татарской расы», живущих между Босфором и Тихим океаном. Ссылаются при этом на мифологическую прародину Туран, на монгольских ханов Чингиза и Тамерлана. А центром объединения выставляют Османскую империю. И вообще, Алексей Николаевич, дело плохо. Пахнет жареным. Готовится большая война между христианами и мусульманами. Боюсь, что она наложится на ту войну, которую готовят против нас германцы с австрияками. Представляете, что здесь начнется?

– Александр Александрович, давайте продолжим про армян.

– Давайте. Так вот, курды начали резню, которую они на самом деле никогда и не прекращали. К ним присоединились и другие: турки, черкесы, лазы... Следует признать, что армянам крепко доставалось: их убивали и грабили все кто ни попадя. Но тут неожиданно среди этой мирной торговой нации нашлось несколько сотен храбрых людей, которые взяли за оружие и ответили на насилие насилием. Мусульмане здорово удивились. Как так? Армяне и огрызнутся? Ну-ка мы им сейчас! И началось уже кровопролитие, которое нельзя было скрыть или замолчать. «Дашнакцутюн» создавали в России, а воевали ее боевики в Турции. Когда наши власти спохватились – от султана пошли жалобы на потакание террористам – дашнаки перебрались в Персию. Там теперь их базис, а в Тебризе даже собственный оружейный завод. Фидайны дали прикурить будь здоров! Они начали убивать губернаторов, вождей курдских племен, полицмейстеров и прочих, кто потакал погромщикам. «Дашнакцутюн» сначала объявила целью своей деятельности создание автономии в Турецкой Армении. Но потом вошла во вкус и начала говорить о создании независимой Великой Армении. Такой оборот не понравился уже не только турецкому султану, но и русскому царю. Но когда он из соображений человеколюбия принял семьдесят пять тысяч несчастных беженцев, те привезли с собой боевиков-дашнаков. Как в истории о троянском коне, мы сами пустили врага внутрь. И теперь хлебаем полной ложкой. Князь Голицын имел поэтому основания для репрессий в отношении армяно-григорианской церкви. Ее священники все поголовно поддерживали дашнаков, и доходы свои церковь тратила на помощь им. Но сделал князь все топорно. Умнее, тоньше надо действовать на Кавказе... Да еще закрыли все армянские школы в крае! Это-то зачем? Когда в Баку стали отбирать храмовое имущество, сбежалась толпа и напала на полицию. Были убитые и раненые. И это в Баку, где большинство населения – татары. А когда пришли в Эчмиадзин, представляете, что там началось? Дурак Накашидзе, губернатор Эриванской губернии, будто

нарочно хотел возмутить армян. Вспыхнули волнения в Шуше, Елисаветграде, Эривани, у нас в Тифлисе. Погибло много людей... В итоге князь-главноначальствующий в ссоре с самым предприимчивым народом, боится выйти из дворца, а в пороховой бочке, какой всегда был Кавказ, уже зажгли фитиль. – Фрезе перевел дух и завершил свою речь так: – Вы уж, Алексей Николаевич, расскажите Плеве, что здесь происходит. Надо что-то менять, ей-богу. Пора мириться с армянами.

– А вы? Генерал от инфантерии, второе лицо в крае. Вы что пишете в Петербург?

– Будто не в России служите! – рассердился Фрезе. – Вторые лица у нас в государстве ничего не пишут. А то, что пишут, никто не читает!

Лыкову пришлось извиняться. Тем не менее он сказал:

– Чтобы менять политику в крае, надо сначала сменить его начальника.

– Вы правы, – опять вздохнул генерал. – Голицын только портит. Но кто убедит государя? Не вы же. Или ждать, пока бочка с порохом рванет? Людей жалко: столько крови прольется.

– Вячеслав Константинович велел мне присмотреться, когда отправлял сюда, – понизил голос Лыков.

– Даже так? Значит, в Петербурге догадываются?

– Вероятно. Я мелкая сошка, мне всего не говорят. Но министр внутренних дел недоволен Голицыным. И государь тоже.

– Скорее бы, – просящим голосом произнес Фрезе. – Я готов уйти в любой момент. Появится новый человек, он найдет себе другого помощника, я понимаю. За должность не цепляюсь.

– Пока вам уходить нельзя. Иначе такое начнется! Когда князь уезжает в Петербург?

– Через неделю. И хочет пробыть там долго, месяц-другой. В Тифлисе летом жарко.

– Лето для князя начинается в мае?

– Угу.

Они помолчали, потом генерал поднялся и сказал:

– Посекретничали, и будет. Знайте, что я ваш союзник. Так и напишите Вячеславу Константиновичу. Только...

– Не бойтесь, Александр Александрович, мы с его высокопревосходительством общаемся шифром.

– Вот и хорошо. Будьте осторожны с Чачибая, он наперсник князя. И не так прост, как кажется. Но когда Голицын уедет, станет легче обрезать его клевретов. А теперь извольте пройти со мной в канцелярию по военно-народному управлению Кавказского края. Это рядом, на улице Петра Великого.

– Зачем нам туда, Александр Александрович?

– Санкцию на дознание по делу штабс-капитана Багдасарова вы получили? Или уже забыли, для чего сюда приехали? – усмехнулся генерал.

– Но при чем тут канцелярия? Дайте мне казака в сопровождающие, я поеду в Гомборы и начну там дознание.

– Оно уже начато, – со значением сказал Фрезе.

– Вот как?

– Разумеется. Я, как получил телеграмму от министра, сразу распорядился о негласной проверке личности штабс-капитана.

– Очень хорошо. Но все равно не понимаю, при чем здесь канцелярия. Кто вел проверку, жандармы?

– Нет. Управление краем имеет особенности. В частности, в канцелярии есть особый отдел по полицейской части. Он занимается всеми секретными делами.

– Вроде охранного отделения?

– Говорю же: в европейской части ничего подобного не существует, отдел просто не с чем сравнить. Ему подчиняется вся наружная полиция и закавказская полицейская стража. А по некоторым вопросам даже губернские жандармские управления и конвойные части. Охранных и сыскных отделений в кавказских губерниях нет – их функции тоже лежат на особом отделе. Он руководит борьбой с бандитизмом, с политической преступностью и даже ведет разведку сопредельных иностранных государств параллельно с военными.

– Ого!

– Я познакомлю вас с начальником особого отдела статским советником Трембелем. Это самый осведомленный человек на всем Кавказе. Значимость его подчеркнута статусом вице-директора канцелярии.

– А он ваш или Голицына?

– Карл Федорович себе на уме, но службу знает.

– Спрошу иначе: я могу ему доверять? У вас все так непросто.

– Где сейчас просто? – развел руками Фрезе. – А на ваш вопрос отвечу так: сотрудничать с ним можно, он будет вам крайне полезен. Особенно после того, как получит мой категоричный приказ. А доверять – нельзя.

Лыков кивнул.

– И запомните мои слова, господин коллежский советник: здесь никому нельзя доверять. Это Кавказ, – сказал в заключение генерал.

Глава 3

Тифлисские чиновники

Статский советник Трембель оказался рослым осанистым мужчиной с напыщенной бородой и наружностью сердцееда. Глаза живые, блестящие и как будто постоянно смеющиеся. Ох, здешние дамы немало должны были натерпеться от такого красавца! Фрезе сдал ему сыщика с рук на руки, сказал все необходимые слова про полное содействие и удалился. Когда мужчины остались вдвоем, Трембель заявил:

– А я про вас слышал, Алексей Николаевич.

– Вот как? Что именно?

– Ну, вы богатырь, каких мало. И притом особо доверенное лицо министра.

– Ни то, ни другое, Карл Федорович, увы, не соответствует действительности.

– Неужели? – осклабился статский советник, оглядывая крепкую фигуру питерца.

– В молодости всякое бывало, но теперь я уже не тот. Тяжелее стакана с вином стараюсь ничего не поднимать. А что касается нашего министра, то есть лишь один человек, которому он по-настоящему доверяет. И это не я.

– Подполковник Скандраков?

– Да, начальник его личной охраны.

Трембель помолчал, обдумывая услышанное. Потом кивнул:

– Так и быть. Хотите принизить свое значение – ваше право. Смешно было бы при первом знакомстве ожидать от вас искренности.

– А кто рассказал вам про меня?

– Отставной коллежский советник Скиба.

Лыков обрадовался:

– Максим Вячеславович! Где он сейчас? Как ушел восемь лет назад со службы, так с тех пор словно в воду канул.

– Скиба давно живет в Тифлисе, – пояснил начальник особого отдела. – Пенсии не хватает, вот он и устроился на железную дорогу. Мы ходим с ним в один клуб. Максим Вячеславович – умнейший, порядочный человек, бывший полицейский, и мы поддерживаем с ним добрые отношения. Давеча в клубе я обмолвился, что приезжаете вы. И узнал много о вас хорошего. Ну-с, теперь поработаем вместе? – И Трембель выложил на стол папку.

– С удовольствием, Карл Федорович. Это результаты предварительного дознания?

– Да. Вот что мне удалось выяснить за те три дня, пока вы добирались до нас.

Статский советник нацепил на нос очки, отчего сразу стал похож на ученого немца, а не на записного юбочника.

– Тэк-с... Штабс-капитан Багдасаров Рубен Абгарович. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Вышел в Кавказский стрелковый артиллерийский дивизион. В настоящее время заведует там хозяйством.

– Ага! – воскликнул питерец.

– Именно так, – понял его кавказец. – По делам службы штабс-капитан имеет возможность часто бывать в Тифлисе. И не только. В формуляре указано более десяти командировок в Петербург, Москву, на ярмарки в Нижний Новгород и Ирбит. Даже в Варшаву катался!

– Заведующий дивизионным хозяйством... Имеет обширные деловые связи, часто бывает в торговых городах. Сходится. Так и должен выглядеть агент «большой постирочной».

– Кстати, расскажите мне о ней, – прервался Трембель. – Что известно достоверно? И почему вы с самого начала, как сказано в телеграмме Плеве, подозревали Кавказ?

Алексей Николаевич изложил свои соображения. Трембель подумал и согласился:

– Да, все логично. Я и сам уже ломал голову, куда деваются меченые доходные бумаги. Прошлой осенью ограбили Нахичеванское казначейство, слышали?

– Это где триста тысяч взяли?

– Да, самое громкое дело последних лет. Там помимо денег были облигации Александровского общества сахарных заводов. Серии записаны, все учтено. Вот, думал я, ребята и влипли. И что?

– Не влипли? – поддел коллегу сыщик.

– Черта с два! Облигации всплыли в платежах Второго Кавказского армейского корпуса.

– Как они там оказались?

– От взаимных расчетов с городскими управами Александрополя и Темир-Хан-Шуры.

– И концов не сыскать?

Статский советник лишь развел руками:

– Там сорок тысяч ассигновок. Годы уйдут на их разбор. У меня и людей столько нет, чтобы заниматься этим.

– Но что говорят арестованные?

Начальник особого отдела скривился:

– Черти суконные! На вопрос, кому они сбыли облигации, арестованные отвечают уклончиво. Якобы незнакомому армянину за лаж в пятнадцать процентов.

– Врут?

– Конечно. Может, Багдасарову, а может, кому-то другому.

– Я понял. Давайте вернемся к Багдасарову. На него поступали сигналы по вашей линии?

– Только один раз, и не так чтобы сигнал, – ответил Трембель.

– В каком смысле?

– Ну, пришла анонимка, написанная женской рукой. О том, что супруга штабс-капитана носит платья, цена которых в пять раз больше годового содержания ее мужа.

– Полковые жены накатали? – догадался сыщик.

– Они. Разумеется, такой «сигнал» отложили в сторону и не стали даже разбирать. Дуры-бабы пишут друг на друга гадости, ничего нового... Лишь сейчас я обнаружил письмо в папке и уяснил его смысл.

– Больше ничего?

– Так, одна деталь.

– Какая? – насторожился Алексей Николаевич.

– Я запросил почтмейстера, после той телеграммы. И вот что он сообщил. Штабс-капитан часто забирает на Разгонной почте¹² посылки и денежные пакеты. В больших количествах.

– На свое имя?

– В том-то и дело, что на разные. Дивизион стоит в Гомборах, оттуда не наездишься. И все его офицеры выдали заведующему хозяйством доверенности на получение почты.

– Замечательная идея, – одобрил сыщик. – Приходит пакет, к примеру, от Степки Латунного, о смерти которого я вам только что рассказал. На имя командира второй батареи, а не Багдасарова. Штабс-капитан спокойно его забирает и присваивает. Никто и не узнает. И подозрений меньше – не вся почта на его имя, в масштабах дивизиона все размазано.

– Так и есть, – убежденно сказал статский советник. – Ваши подозрения считаю более чем обоснованными. Надо ехать и брать этого армяшку.

– Санкция князя-главноначальствующего получена, – напомнил питерец. – Но как это сделать в практической плоскости?

– Да все просто. Сейчас я вызову губернатора и полицмейстера, они вам окажут всю необходимую помощь.

---

¹² Разгонная почта – Тифлисская почтово-телеграфная контора.

– Начальник губернии явится сюда по вашему вызову? – не поверил Алексей Николаевич. Трембель удивился:

– Как же не явится, когда я приказал?

– Карл Федорович. Вы вице-директор канцелярии по управлению краем. А он губернатор.

– Ну и что? Во-первых, полковник Свечин лишь исправляет эту должность. Во-вторых, его вызывает начальник особого отдела по полицейской части. У меня такие полномочия, если хотите знать! Ну и в-третьих, кто же еще будет заниматься «большой постирочной», как не я? Все, батюшка, вы теперь мой клиент! Как там написано в открытом листе? Всем чинам МВД оказывать содействие? На Кавказе они подчиняются статскому советнику Трембелю. Хе-хе...

Алексей Николаевич обрадовался. Для дела лучше, когда есть один ответственный человек, знающий местную специфику. Трембель, судя по всему, как раз такой. Пусть он и объясняет здешним царькам, что Лыкова надо слушаться.

Карл Федорович телефонировал губернатору и действительно приказал немедленно прибыть к нему вместе с полицмейстером. Через четверть часа оба явились. Они оказались до смешного похожи: толстенькие, с залысинами и сильно загорелые.

– Исправляющий должность Тифлисского губернатора, числящийся по гвардейской кавалерии полковник Свечин Иван Николаевич, – представился первый.

– Тифлиссский полицмейстер коллежский советник Ковалев Георгий Самойлович, – назвался второй.

Трембель вел себя как старший. Он познакомил чиновников с питерским гостем и кратко обрисовал его задачу. Статский советник закончил речь следующим пассажем:

– Поручаю вам Алексея Николаевича и жду обычного вашего рвения. Помните, что вопрос находится на контроле у его сиятельства и у самого министра Плеве.

Тифлисцы вышли на улицу и пригласили Лыкова в свой экипаж. Слова грозного вице-директора, казалось, не произвели на них большого впечатления.

– А поехали в хороший духан, Алексей Николаевич, – предложил начальник губернии. – Там и обговорим все.

– Да, так будет лучше, – поддакнул полицмейстер. – А то его сиятельство, министр... Он бы еще государя припел.

– Я в вашем распоряжении, господа. Без вас мне дела не сделать.

Увидев, что Лыков не зазнаистый, полковники приободрились. Коляска пулей пролетела по Головинскому проспекту и понеслась дальше. Командированный понял, что его везут в Веру. Мелькали дома и казармы, скверы и кладбища.

– Господа, а что это за крест? – успел спросить сыщик.

– Да тут перевернулась коляска с Николаем Первым, и он чуть шею себе не сломал, – весело пояснил полицмейстер. – А вот и наше любимое заведение. Знакомьтесь: духан Ткибучавы. Здесь самые вкусные хинкали во всем Тифлисе.

Выбежал приветливый хозяин, усадил важных гостей во дворе. Молодые листья винограда свисали им на головы, вдали белела вершина Казбека. Хорошо...

Полчаса все трое болтали о пустяках, ели хинкали и запивали кахетинским. Тифлисцы подливали питерцу и сами не отставали. Потом выяснилось, что гость не пьянеет. У Свечина с Ковалевым тоже было ни в одном глазу.

– Поговорим? – спросил Лыков, когда хозяева поняли, что их маневр не удался.

– Ну, можно... – буркнул губернатор.

– Трембель – фигура влиятельная?

– При таком главноначальствующем – да, – неожиданно откровенно ответил полковник. – На безрыбье и рак рыба.

– Он у вас, случайно, не «фон»? Лощеный, дамам такие нравятся.

– По бумагам фон Трембель, – подтвердил догадку питерца Ковалев. – Однако сами знаете, как это делается. В Берлине такую приставку можно купить...

– ...за восемь тысяч рублей, – продолжил сыщик, и все трое рассмеялись.

– Князю пора на покой? – в лоб поинтересовался мнением тифлисцев приезжий.

Те переглянулись, и Свечин осторожно спросил:

– Вы не просто так любопытствуете? Имеете поручение?

– Да, – признался коллежский советник. – От Плеве. В Петербурге недовольны, как идут здесь дела. Мне поручено составить мнение.

– Я вам отвечу откровенно, а потом мои слова дойдут до князя? – набычился губернатор. – Спросите про другое. Меня и без того никак не утвердят в должности. И генерала задерживают.

– Как вам будет угодно.

– А хотя черт с ним! – рявкнул вдруг Свечин. – Да, князю давно пора на покой. В Государственный совет или на другую свалку отставных деятелей. Хватит разваливать край, тут и без того куча проблем.

– А кого на его место? Фрезе?

– Александр Александрович порядочный, – вступил в разговор полицмейстер. – И боевой генерал, в отличие от князя. Два Владимира с мечами и Георгиевский крест! А у Голицына лишь Анна третьей степени.

– У князя еще Анна второй степени с мечами, – поправил товарища Свечин.

– Эта не в счет. Знаешь, за что она получена? За приведение полка в образцовый вид, а не за отличие на поле боя. За шагистику, вот за что.

– Да, в шагистике Голицын специалист, – желчно констатировал губернатор. – Всем Кавказом управляет, как пехотным полком. А правительство хочет иметь хороший результат.

– Так что с Фрезе? – напомнил сыщик.

– Не годится, при всех его достоинствах, – уверенно заявил Ковалев.

– Почему?

– Он всегда был вторым, никогда не управлял самостоятельно крупным делом.

– Но Фрезе служил губернатором.

– Что с того? Этого мало. Вспомните его послужной список. Начальник штаба округа, но не командующий. Товарищ министра, но не министр. Помощник главноначальствующего, но не начальник края. Нет, Фрезе не годится.

– А кто годится?

Свечин отхлебнул из стакана и сказал, будто рассуждая вслух:

– Лучше, чтобы это был старый кавказец. Например, многие вспоминают графа Воронцова-Дашкова.

– Бывшего министра Двора? – удивился Лыков. – Он давно не у дел. Еще с Ходынки. Принял ответственность за то несчастье на себя и подал в отставку. Его уж забыли.

– А вот зря, – поддержал приятеля полицмейстер. – Граф Илларион Иванович пользуется на Кавказе большим уважением. Если еще восстановить наместничество, как прежде... Для туземцев это было важно. Да и управлять из столицы не получится.

Наместничество упразднил Александр Третий в 1882 году, чем сразу понизил престиж местной власти.

– Сообщу министру ваши соображения, – пообещал Лыков и решил сменить тему разговора. И без того чиновники сказали незнакомому человеку много смелого. Сыщик только удивлялся: в Петербурге подобный разговор был бы невозможен.

– Мне надо поймать опасную шайку. Поможете?

– Куда мы денемся? – ухмыльнулся полицмейстер. – Людей надо подходящих? Дадим. Есть у меня поручик Абазадзе, он черта поймает, не то что вашу шайку.

– В одиночку изловит?

– Ну, вы ему поможете, – отбрил питерца Ковалев.

Сыщик понял, что ему тут никто в рот смотреть не собирается:

– Да с удовольствием. Когда я увижу вашего поручика?

Губернатор обратился к полицмейстеру:

– Жоржик, смени тон. Не задирай Алексея Николаевича. Он георгиевский кавалер, значит, храбрый человек. Надо поехать в горы – не испугается.

– Да меня зло берет, Ваня, – устало ответил Ковалев. – Трёмбель телефонировал, и мы как два мальчугана помчались к нему. Ты зачем так себя поставил? И меня тоже заставляешь.

– Жорж, прекрати. Если не дружить с Трёмбелем, останешься без должности. Ответь Лыкову, он задал тебе вопрос.

– А, насчет поручика? Алексей Николаевич, Арчил будет только завтра. Он убыл в Сагореджо, такое селение в Тифлисском уезде. Там объявился известный качаг¹³ Пидо Гратиашвили, Арчил хочет его убить.

– Арчил?

– Его так зовут, это имя Абазадзе. По-грузински означает правильный, открытый. Он такой и есть, вот увидите.

– А почему он хочет убить качага, а не арестовать?

Губернатор недобро усмехнулся:

– А зачем жить злодею, который уже зарезал двух человек?

Полицейстер понизил голос и добавил:

– У нас на Кавказе пленных не берут. Ни мы, ни они.

Лыков знал, что преступность здесь имеет свою специфику. Карманными кражами балуются мало, зато в большом ходу разбой. В горах никаких законов нет, правит тот, кто сильнее. Человеческая жизнь ценится очень дешево. Полиция старается не доводить дело до суда: слишком канительное. Преступников просто отстреливают, как волков. Зная это, они и не сдаются. А при случае платят властям той же монетой.

– Но завтра вы познакомите меня с вашим храбрым поручиком, Георгий Самойлович?

– Я ночью убываю в Борчалинский уезд. Там убит лорийский пристав, и дознание поручено мне. Так что, Алексей Николаевич, завтра поручика представит вам мой помощник коллежский асессор Шмыткин. Я оставлю ему все инструкции. А теперь давайте еще кахетинского, а?

Тут подошел, почти подбежал, духанщик и сказал губернатору возмущенно:

– Опять эта пришла! Хочет меня закрыть. И опозорить, да-да, опозорить. Сделай уже что-нибудь!

Чиновники переглянулись. Свечин пояснил гостю:

– Пришла госпожа Фомина-Осипова, участково-думский врач. Она наводит ужас на духанщиков, поскольку требует соблюдения санитарных норм. – И обратился к хозяину заведения: – Что, Ткибучава, опять у тебя антисанитария?

Туземец воздел руки к небу:

– Какой такой анти-санти? Тьфу! Глупый баба, зачем ее слушай? Скажи, неужели мой хинкал невкусный?

При этих словах из помещения во двор вышла женщина лет тридцати пяти, в деловом костюме и с портфелем в руках. Мужчины сразу вскочили.

– Позвольте вас представить друг другу, – начал губернатор. – Это коллежский советник Лыков Алексей Николаевич, приехал нынче из Петербурга...

---

¹³ Качаг – абрек.

– Я закрываю ваш шантан, Иван Николаевич, – низким грудным голосом сказала дама, не обращая никакого внимания на сыщика.

– ...А это Виктория Павловна Фомина-Осипова, гроза бацилл и духанщиков, – завершил Свечин.

Докторша быстро окинула питерца взглядом, задержалась на Георгиевском кресте, и лицо ее немного смягчилось.

– Наш губернатор – первый потатчик упомянутых бацилл, – сообщила она гостю. – Он таки дождется летом массовых отравлений. Очень приятно, Алексей Николаевич. Как там в Петербурге?

Лыков хотел ответить, но дама уже потеряла к нему всякий интерес. Или только сделала вид. Она вновь обратилась к начальнику губернии:

– Неужели вы не понимаете, что пока вы столуетесь в этих вертепах, их хозяева будут игнорировать мои законные требования?

– Что же прикажете делать, Виктория Павловна? – растерялся полковник. – Голодать? Вот гость прибыл, куда с ним пойти?

– В первоклассный ресторан. Там гигиенические нормы соблюдаются много лучше. Или вам гостя не жалко?

Тут вмешался полицеймейстер:

– Позвольте дать делу законный ход, Виктория Павловна.

– Я, Георгий Самойлович, только об этом и прошу. Незаконных мер мне не надо, они не помогут.

– Тогда передайте протокол о нарушениях санитарно-врачебному инспектору. Он войдет ко мне с отношением, и я закрою грязные заведения.

– Как в тот раз закроете? На три часа? – съязвила докторша.

Полицеймейстер стал покрываться пятнами, но губернатор положил ему руку на плечо:

– Жорж, помолчи. Виктория Павловна, обещаю, что в этом случае нарушители так легко не отделаются. Лично прослежу. А пока окажите нам честь, сделайте глоток кахетинского. Алексей Николаевич не заслужил вашей обструкции.

Дама опять посмотрела на Лыкова, чуть более внимательно. Тот не растерялся и подхватил:

– Заодно посоветуйте мне, где можно питаться безбоязненно. А то зайду не туда и отравлюсь.

– В этой клоаке ни глотка, Алексей Николаевич. Вы где остановились?

– В гостинице «Кавказ».

– Там можно. Еще смело заходите в ресторан «Аннона», это при Сионском соборе. Чисто готовят в гостиницах «Париж» и «Сабадури»; в последнем хороша туземная кухня. Ну и буфет сада «Золотое время», что в Муштаиде. А больше в этом городе нигде.

На этих словах докторша сделала общий поклон и удалилась. Мужчины снова сели и разлили очередную бутылку.

– Однако, – первым нарушил молчание питерец. – А лицо интересное. Не красавица, но есть какая-то изюминка.

– Кто сейчас ее дроля, а, Жорж? – спросил губернатор у полицеймейстера.

– Да уж скоро год, как никого нет.

– Что ты говоришь! Самому, что ли, за ней приударить?

– Так Виктория Павловна свободна? – оживился Лыков.

– Ишь как встрепенулся, – рассмеялись тифлисцы. – Не суетитесь, господин приезжий ловелас. Там и не такие зубы обламывали.

Начался типично мужской разговор, вроде бы не пошлый, но на грани. Алексей Николаевич узнал, что врач Фомина-Осипова – личность в городе известная. Разводка, бывший

супруг командует саперным батальоном. Умная, с сильным характером, докторша поставила цель самой себя содержать и не зависеть от мужчин. Воспитывает сына, общается с узким кругом друзей. В целом человек доброжелательный, Виктория Павловна имела пунтик: ей казалось, что на службе к ней относятся недостаточно серьезно оттого, что она женщина, и потому иной раз в борьбе за чистоту жевешка¹⁴ перегибала палку. Вот давеча нашла у себя на участке сразу двадцать семь торговых заведений, не имеющих патента. И потребовала все их закрыть. А еще в ее участок входит деревня Вера со всеми гульбищными садами. В Тифлисе веселятся по окраинам: в местности Ортачалы на востоке и в Вере на западе. Там лучшие шашлычные, с оркестрами народной музыки. И госпожа Осипова регулярно терроризирует их, находя на кухнях буфетов различную заразу. Чем, конечно, сильно восстанавливает против себя духанщиков. А еще привередливая врачиха обнаружила в персидском лимонаде, популярном в Тифлисе, вредные для здоровья анилиновые краски. Персы добавляли их для придания напитку яркого оттенка. И теперь лимонад в городе под запретом.

Разговор о женщинах, как это всегда бывает, сблизил мужчин. Они выпили много вина, но не опьянели. Заодно тифлисцы научили гостя правильно есть хинкали. Оказывается, их не надо портить соусами. Никаких ткемали или сациви, только посыпать черным молотым перцем! Но пора было расходиться. Условились, что завтра утром сыщик явится в полицейское управление, где его будет ждать поручик Абазадзе. Георгий Самойлович даст инструкции и выделит служебный экипаж. Вдвоем с поручиком Лыков поедет в Гомборы. И по итогам первой беседы, скорее всего, доставит штабс-капитана Багдасарова в Тифлис.

Иван Николаевич взял на себя другие важные хлопоты. Ведь нельзя же просто так арестовать офицера и посадить его в тюрьму. Оттого лишь, что его фамилия оказалась записана на бумажке у какого-то вора за тысячи верст отсюда... Свечин взялся оформить задержание честь по чести. А именно получить распоряжение следователя и согласие штаба военного округа, а также известить начальника дивизиона.

Фаэтон доставил сыщика на Эриванскую площадь. Лыков поднялся в номер и переоделся в партикулярное платье. Было три часа дня. Куда пойти? Хотелось увидеть Скибу, но того надо было еще сначала отыскать. Да и ввалиться без спроса неловко: мало ли что? Алексей Николаевич послал курьера в адресную контору. Вскоре выяснилось, что Максим Вячеславович проживает в Михайловском участке, на Третьей Водосточной улице. Судя по названию, место непрестижное, хотя район Сололаки считался лучшей частью города.

Лыков набросал записку, спросив, когда Скибе угодно будет принять гостя из Петербурга. Послал на Водосточную того же курьера, а сам решил прогуляться.

---

¹⁴ Жевешка – женщина-врач (разг.).

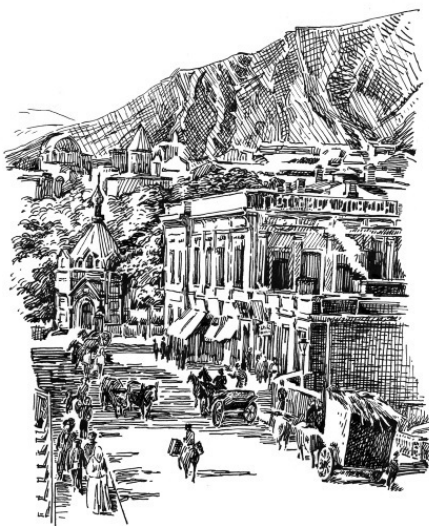
Глава 4

Тифлис

Столица края с трех сторон окружена горами. С запада нависает Мтацминда, или гора Святого Давида. С востока глядит Махатский хребет. С юга прямо в городскую черту вторгается узкий Сололакский гребень. Только с севера город открыт.

Тифлис лежит в долине, поэтому летом здесь жарко, как на раскаленной сковородке. Наискось город пересекает Кура и делит его на две половины. Пять мостов соединяют берега. В самом узком месте, возле Метехского замка, ширина Куры – всего пятнадцать саженей. Тут сердце города с полуторатысячелетней историей. Есть и еще одно деление Тифлиса – на русскую и туземную части. С громады Сололакского хребта глядят вниз развалины древней крепости Нари-кала, но центр все равно внизу. На правом берегу – Старый город. Узкие кривые улочки передают восточный колорит. Татарский Майдан и Армянский базар, серные бани и тесные лавки, мечети и древние соборы, шум торговли, грязь и азиатчина. Новый город другой, он раскинулся по обоим берегам. На правом – это вся местность от Эриванской площади и до Веры. На левом – бывшая Колония, кварталы от Воронцовской площади и до сада Муштаид. Здесь правильная европейская застройка, все казенные здания, здесь живут русские чиновники и военные.

Еще на левом берегу скучились армянские кварталы – Авлабар, Чугуреты и Старые Куки. Тифлис многонационален, население его превышает, по последним данным, двести тысяч человек. В городе говорят на сорока языках! Доминирующая нация – армяне, их 36 %. Следом идут грузины (26 %) и русские (21 %). Татар совсем мало, по бумагам всего 2 %, но на самом деле больше. Особенно летом, когда они приходят на заработки. Остальные заметные нации – это персы, поляки, курды, греки, немцы и евреи.

Главная улица Тифлиса – Головинский проспект. Ширина мостовой – целых двадцать саженей. На Головинском проспекте расположены кадетский корпус, Казенный театр, Алек-

сандровский сад, Александро-Невский военный собор, гауптвахта, лучшие магазины и рестораны. А кроме того, дворец наместника – он красив и представительен. В саду, окружающем дворец, сохранились два чинара, посаженные еще Ермоловым.

Продолжением проспекта является Дворцовая улица, на которой и поселился Лыков. Она тоже вся в модных заведениях. Штаб военного округа и гостиница «Кавказ» фланкируют ее выход на Эриванскую площадь. От нее вниз идет Пушкинская улица и упирается в Солдатский базар. Он называется так потому, что по воскресеньям солдаты гарнизона продают здесь свои изделия. Это граница между Старым и Новым городом: кончается Европа и начинается Азия. Солдатский базар соседствует с Армянским, а тот соединяется с Майданом. Тут же вблизи Куры стоит Сионский собор – главный грузинский храм.

Ниже по течению реки продолжается хаотичная застройка. Вдоль правого берега идет длинная Воронцовская улица. Она проходит весь Харпук – фабричный район с темным туземным населением – и превращается возле тюрьмы в Эриванское шоссе. Дальше только казачья застава и пригороды. Кура в этом месте создает большой остров – Ортачалы. Он покрыт садами и является излюбленным местом гуляний тифлисцев. Застолья там шумят, не переставая, и время от времени кончаются поножовщиной.

Напротив Харпуха, на левом берегу реки, раскинулся Навтлуг. Здесь тоже сады, скотные дворы, а дальше за городом – бойня. В Навтлуге много военных. Помимо огромного окружного госпиталя, тут находятся казармы знаменитого 44-го Драгунского Нижегородского полка. По общему мнению, это лучший полк всей армейской кавалерии. А еще интендантские склады и грузовая станция железной дороги. Живут здесь по преимуществу русские: офицеры, чиновники, госпитальная обслуга. Слобода Ново-Троицкая заселена отставными нижними чинами и их семьями.

Границей Тифлиса на левом берегу является железная дорога. Но городу уже тесно, он лезет за ее полотно. Там тоже царят военные: раскинулись громадные корпуса арсенала, дальше – пороховые погреба, ближе к вокзалу – казармы Кавказских стрелковых батальонов. А еще кладбища: католическое, молоканское, православное Петропавловское и армянское Ходживанское. На Песках и в Молоканской слободе проживают старообрядцы. Они занимаются преимущественно извозным промыслом. Выше по Куре правильно застроенные «русские» кварталы, складочная таможня и вокзал. Вокруг последнего возникла Нахаловка – опасный район, сплошь заселенный пролетариатом. В очках и шляпе там лучше не гулять. Кроме того, железнодорожные мастерские стали рассадником революционной заразы.

Завершается западная часть города садом Муштаид, еще одним любимым местом прогулок. Его потеснила шелководческая станция, но горожане все равно едут сюда. Первокласный ресторан, три летних площадки с буфетами, военные духовые оркестры манят тифлисцев. За Муштаидом – пригород Дидубе и немецкая деревня Александердорф, однако последняя уже не Тифлис.

Лыков вооружился путеводителем и вышел на улицу. С чего начать? Он решил, покуда есть силы, влезть на Мтацминду. Там стоял монастырь Святого Давида Гареджийского. Питерец хотел поклониться праху Грибоедова, погребенного в обители. На склоне копошились люди – строили фуникулер. Когда его закончат, можно будет подняться наверх с ветерком. Сейчас же сыщику пришлось потрудиться, пока он карабкался в крутую гору. Он посидел у черного обелиска с бронзовым крестом. «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?..» Рядом была могила супруги великого драматурга, Нины Александровны, урожденной княжны Чавчавадзе.

Еще турист полюбовался открывшимся сверху чудесным видом. У него захватило дух. Красота неопишемая... Город в долине, рассеченный надвое зеленой змейкой реки. Вдали от вокзала к Навтлугу бежит паровозик, испуская черный дым. Завтра в ту же сторону, на Гомборы, выезжать Лыкову. На амфитеатре Арсенальной горы рассыпались домики обывателей

вперемешку с казармами и прямоугольниками кладбищ. Кварталы Авлабара, купола серных бань, угрюмый Метехский замок, где сейчас тюрьма, белые скалы над Курой... Сыщик наметил маршрут и спустился вниз.

Перво-наперво он пошел в Александро-Невский военный собор, что на Гунибской площади. Надо было сделать это сразу по приезде, но хотелось быстрее получить аудиенцию у Голицына. Получил – как дерьма наелся... Коллежский советник сотворил молитву и отправился искать своих. Собор был заставлен знаменами частей, воевавших в крае. Рядом висели щиты с названиями полков и команд. На одном из них Лыков обнаружил надпись: «161-й Александропольский пехотный полк». Бывший пеший разведчик поставил перед ним свечу в память погибших товарищей и двинулся дальше.

Следующим в его списке был Сионский собор. Лыков хотел увидеть крест Святой Нины. Как-никак, нижегородцы имели к нему некоторое отношение. Внук последнего грузинского царя Вахтанга светлейший князь Грузинский чуть не полвека хранил крест в своей вотчине, селе Лысково Макарьевского уезда Нижегородской губернии. В 1801 году он преподнес святыню Александру Первому, а тот распорядился вернуть ее в Тифлис. Говорят, крест сложен из двух кусков виноградного дерева и перевит волосами святой. Ничего этого сыщик не увидел – реликвия была упрятана под серебряный оклад. Но он снова помолился.

Дальше его манил Татарский Майдан. Сыщик сунулся было туда – хотел увидеть знаменитые Темные ряды, названные так потому, что лавки в них были крытыми. Но толчея и суета отпугнули питерца. Нет, сюда надо прийти с местным чичероном. Без сопровождающего затопчут. И Лыков направился в серные бани. Еще Пушкин омывал там свое смуглое тощее тело. Надо и гостю с севера приобщиться.

Бань оказалось больше двух десятков – в какую пойти? В каждой утверждали, что Пушкин побывал именно здесь. Самые красивые принадлежали князю Аргутинскому, и сыщик выбрал их. Часа ему хватило. Знаменитых парильщиков, так здорово описанных в «Путешествии в Арзерум», он нанимать не стал. Просто выкупался за полтора рубля в бассейне, облицованном мрамором, и почувствовал прилив сил. Ну, пора в гостиницу. Если Скиба уже прислал ответ и готов принять гостя, план на вечер составлен.

В номерах сыщика действительно поджидала записка. Максим Вячеславович сообщал, что с радостью увидится с ним нынче же. Лыков посидел четверть часа в буфете, отдыхая от туризма. А потом велел кликнуть извозчика.

В Тифлисе, как оказалось, существовало два вида извозных экипажей. Первый назывался фаэтон, он отличался чистотой и просторностью. Упряжь была парная, лошади сильные и ухоженные. Второй вид именовался дрожками и стоил по таксе в полтора раза дешевле. Лошадь у дрожек чаще всего была одна и общий вид не такой молодцеватый. Питерец заказал фаэтон. Как и в большинстве городов, расчетной единицей являлся конец – поездка по городу в одну сторону. Стоил он сорок копеек независимо от расстояния (езда на окраины обходилась дороже). Очередной молоканин доставил сыщика на Третью Водосточную. Она находилась в той местности, которая называлась «под Давидом»¹⁵. Дома вокруг были все, как один, двухэтажные. Внизу жили хозяева, а верх сдавали внаем. Скиба занимал весь второй этаж.

Отставной сыщик искренне обрадовался появлению питерца. Он провел его в гостиную, где уже стоял кувшин с вином. По некоторым деталям Алексей Николаевич понял, что в доме есть женщина, и спросил об этом хозяина. Тот смутился:

– Да, мы живем вместе... Прежний супруг не дает Марии развода, поэтому сочетаться церковным браком нет возможности.

– Да и ладно, если вам хорошо друг с другом.

¹⁵ То есть под горой Святого Давида.

Максим Вячеславович облегченно вздохнул: было видно, что его беспокоил этот вопрос. Он ушел в комнаты и привел женщину лет сорока, черноволосую, высокую, еще сохранившую красоту.

– Знакомьтесь: Мария Ивановна Щербакова, участково-думский врач и моя любимая жена.

Хозяйка вздернула голову, стараясь скрыть смущение. Чтобы разрядить обстановку, гость заговорил о другом:

– Очень приятно, Мария Ивановна. А я сегодня уже познакомился с другой дамой – участковым врачом. Ее зовут Виктория Павловна Фомина-Осипова. Сколько же таких, как вы, в городской управе?

Тема была выбрана удачно. Щербакова заговорила уверенно и бойко:

– Нас только две и есть. Виктория – моя лучшая подруга и частый гость в нашем доме. Как она вам показалась?

– Нас познакомил губернатор, полковник Свечин. Он очень ее хвалил. Сказал только, что духанщикам нет от докторши никакой пощады.

– Так это не всем, а лишь тем, кто не соблюдает санитарных норм!

В таком ключе беседа продолжалась некоторое время, и вскоре Лыков полностью освоился. Он с интересом наблюдал за бывшим коллегой. Прежде Скиба был закоренелый холостяк. А теперь он сидел под абажуром в домашней куртке и весь лучился покоем, даже животик завел. Максим Вячеславович бросал на жену такие взгляды, что сразу делалось ясно: в этих стенах мир и любовь.

Когда Мария Ивановна вышла за самоваром, хозяин, понизив голос, пояснил:

– К нам никто не ходит, кроме моих партнеров по картам. И еще вот Виктория Павловна часто бывает. Машу это удручает, но тут ничего нельзя поделать: семейные пары воротят нос. Даже в театре строят козью морду, ханжи! Зато я счастлив.

– Я слышал, вы теперь на железной дороге? – опять ушел от болезненной темы Лыков.

– Уже нет. Я перевелся в анонимное общество. Служу там директором-распорядителем.

– Что за зверь без имени?

Скиба замахал руками:

– Полное название такое: анонимное общество по замене на городских железных дорогах конной тяги электрической. Проще говоря, мы проводим в Тифлисе трамвай.

– Так это вы перекопали весь Михайловский проспект?

– Мы. А скоро и весь город разроем. Такое трудное дело, скажу я вам.

Бывший сыщик стал подробно объяснять гостю преимущества виньолевских рельсов перед желобчатыми. Тут из передней донесся женский голос, и в комнату вошла Фомина-Осипова. Сыщик удивился, как они похожи с хозяйкой дома: словно двоюродные сестры, и роста одинакового. Только волосы у гостьи были длинные и светлые, а у Марии Ивановны короткие и черные.

– Добрый вечер! Я не поздно?

– Рад видеть вас снова, Виктория Павловна, – поднялся сыщик. – Встречаемся по два раза за день – может, это знак какой?

– Алексей Николаевич, кажется? Как вы здесь очутились?

На этих словах явилась хозяйка с самоваром и пояснила:

– Господин Лыков – старинный приятель Максима Вячеславовича. Да ты должна его помнить! Муж часто рассказывал о нем. Ну? Богатырь, ломает подковы, весь перераненный, и очень смелый человек.

– Ах, это он?.. Но ваш гость совсем не похож на тот героический образ!

– Вот всегда так с нами, героями... – сокрушенно вздохнул Лыков. – Совершаешь подвиги, можно сказать, что два раза на дню. А потом приходят и говорят: не похож!

Все рассмеялись и уселись пить чай. Вечер прошел легко: Алексей Николаевич поддерживал разговор, обходя неловкие темы. Виктория Павловна попыталась его задирать.

– Что вам наговорили про меня эти два мужлана? – спросила она.

– Губернатор с полицмейстером?

– Кто же еще?

– Они вас хвалили.

– Не может быть. Я им как кость в горле. Любимых шашлычников подтягиваю, не даю распускаться.

– Нет, правда хвалили, – обиделся за тифлисцев Алексей Николаевич. – Единственное, что могло бы вас задеть, – это их слова про пунктик.

– Какой еще пунктик? – заволновались жевешки.

– По словам губернатора, у Виктории Павловны имеется один тонкий момент. Она считает: к ней относятся недостаточно серьезно потому лишь, что она дама. Вот госпожа доктор и доказывает всем... А шашлычники через то страдают.

– Действительно, Вика, у тебя есть такое! – оживилась Мария Ивановна. И обратилась к Лыкову: – У меня тоже было, пока я не вышла замуж. Надо Вике перестать дичиться и...

За столом повисла неловкая пауза. Коллежский советник отметил про себя бестактность хозяйки, но быстро нашелся:

– Персидский лимонад тогда вернется?

Эта незамысловатая шутка помогла сгладить момент. Но через пять минут гостя стала собираться домой. Лыков вызвался ее проводить, однако Виктория Павловна отказалась наотрез. В результате Скиба тоже сел в фээтон и отвез обоих самолично. По пути в гостиницу, когда они остались вдвоем, Алексей Николаевич сказал приятелю:

– Я приехал с деликатным поручением. Особенностей местных не знаю, людей тоже. А тут у вас сложный клубок. Могу обращаться за советом?

– Да, конечно. Рад буду помочь. А что у вас за поручение?

Лыков поколебался секунду: не рассказать ли отставному сыщику про «большую постирочную». Но передумал.

– Надо поймать одну опасную шайку. Там замешан офицер. Князь Голицын санкцию на арест дал, но оттого лишь, что тот армянин.

– Армянин? Это плохо.

– Поясните.

– Армяне правят в Тифлисе. Вам придется трудно.

– Да, но главноначальствующий их ненавидит. Непонятно, правда, почему.

– Ну и что? Армяне держат всю промышленность, всю торговлю, все банковские конторы. И не только в столице края, но и на целом Кавказе.

– Это после изменения городского положения они так усилились? По словам Фрезе.

– Тут много причин, – возразил Скиба. – Сейчас назревает большая распря между армянами и татарами. Боюсь, прольется много крови. Армяне перегибают палку, пользуясь своими преимуществами. А татары, вместо того чтобы вести с ними конкурентную борьбу, копят обиды и точат кинжалы.

– Максим Вячеславович, поэтому я и хотел просить вас помочь. Тут сильно завязаны национальные вопросы. И религиозные. Если не знаешь деталей, легко запутаться. А вы наблюдательный человек, можете быть объективным. Поможете?

– Чем сумею. Поверьте, Алексей Николаевич, мы тут сидим на пороховой бочке. Скоро так рванет!

– Боюсь, скоро по всей России рванет.

Они подъехали к гостинице, надо было прощаться. Лыков условился, что на днях зайдет к Скибе для подробного разговора. Максим Вячеславович укатил, а питерец отправился в ресторан ужинать. Мария Ивановна – хорошая женщина, но готовить совершенно не умеет...

Засыпая, Алексей Николаевич вспомнил о докторше с двойной фамилией. Забавная дамочка, и на личико ничего. Приударить или как? В последнее время Варвара Александровна часто болела и неохотно говорила о своем здоровье. И сыщик опять начал коситься на сторону.

Он заснул, так и не разрешив этот важный вопрос.

Глава 5

Первая жертва

Утром, бреясь, Лыков заметил, что его нательный крест потемнел. Не сразу он сообразил, что эта патина выступила после посещения им серных бань. Пришлось отчищать золото зубным порошком.

Из-за этого коллежский советник прибыл в полицейское управление с опозданием. Двухэтажный дом красного кирпича с характерным тифлисским балконом стоял на углу Слепцовой и Анастасьевской улиц. Ковалев уже уехал, питерца встретил его помощник. Коллежский ассессор Шмыткин по виду был из казаков: борода пегая, взгляд хитрый. Ну, в полиции бесхитростным делать нечего... Шмыткин вызвал поручика Абазадзе.

Явился молодой стройный офицер с Владимирским крестом на груди. Крест был с мечами. Командированный спросил:

– Как вам удалось получить такую награду? Война с Японией едва началась. Или за поход в Китай?

– Это за другое, – охотно пояснил поручик. Он говорил по-русски почти без акцента, что редкость в Грузии. – Я еще в полку служил, в Сто сорок пятом Новочеркасском императора Александра Третьего. Под столицей, в Медвежьем стане есть пороховой погреб номер одиннадцать Петербургского окружного склада огнестрельных припасов...

– Знаю его, – кивнул сыщик. – Двадцать тысяч пудов пороха там хранят.

– Вот эти двадцать тысяч пудов едва не взлетели на воздух! Загорелся лес поблизости, пламя подступило к складу. Наша рота стояла на карауле, я был помощником начальника.

– Неужели спасли склад от взрыва?

– Все удрали, кто был поблизости. А караульный начальник... ну, не было его, одним словом. Пришлось мне вести роту на борьбу с огнем. Чуть-чуть мы там не подорвались. Но спасли порох, и свои жизни заодно. Государю было угодно наградить меня.

Алексей Николаевич представил себе, как это выглядело. Пламя надвигается на склад, вот-вот все взорвется к чертям. Старшие офицеры драпанули. А этот парень не побежал. Собрал роту и бросился в огонь. Молодец.

Коллежский советник описал поручику их задачу: надо арестовать штабс-капитана Кавказского стрелкового артиллерийского дивизиона, что стоит в Гомборах; сделать обыск в его квартире; и доставить его в Тифлис в штаб округа. Все просто, обычная полицейская рутина.

Задача Абазадзе не понравилась. Понятно, что арест товарища-офицера не мог прийтись ему по душе. Но Лыков сразу рассказал о подозрениях в отношении Багдасарова и о том, что предстоит быть предельно вежливыми и не унижать подозреваемого. Они сели в фаэтон и отправились в путь.

Когда выехали из города, Алексей Николаевич спросил:

– Арчил Константинович, а почему вы ушли из полка?

– По семейным обстоятельствам. Матушка заболела, а сестра уехала с мужем в Уссурийский край, – объяснил поручик. – Я холостой, мне проще.

Помолчал и добавил с грустью:

– Матушка умерла два месяца назад. Не выходили ее доктора.

– Сочувствую вам. А почему не вернулись в полк?

– Здесь оказалось интересно, – рассмеялся загрустивший было парень. – А потом, я вроде как пошел по стопам отца. Он у меня был хевистав. Знаете, кто это?

– Да, – кивнул питерец. – В Кутаисской губернии так называют деревенских сыщиков, которых нанимает сельское общество бороться с ворами.

– Точно. Отец хорошо ловил эту сволочь. Смелый был, никого не боялся. Его застрелили – подло, в спину.

– Значит, вы круглый сирота?

– Увы, Алексей Николаевич. Но грустить некогда. У нас тут идет война, самая настоящая.

– С кем? – удивился коллежский советник.

– С абреками. Их что-то много развелось, приходится убавлять. Вот три недели назад я схватился с бандой Тухо, главного закатальского головореза. Их шестеро было, а нас трое. Едва справились.

– Но одолели, судя по всему? – улыбнулся сыщик.

– Тухо в пропасть улетел. Мы с ним на кинжалах бились. Двоих еще прикончили, остальные сдались. А у нас один убит, и мне плечо продырявили. Но быстро зажило.

Питерец был поражен. На Кавказе храбростью никого не удивишь. Лыков сам был человек бывалый и не робкого десятка. Но этот молодой офицер говорил о своих подвигах как о чем-то обыденном. Гвардейский трынчик распустил бы хвост, но Арчил искренне полагал, что не сделал ничего выдающегося.

– Полицмейстер рассказал, что вы и вчера кого-то задерживали, – припомнил сыщик. – Гратишвили его фамилия.

Парень усмехнулся:

– Ну не то чтобы задерживал... Крови на нем много. Пришибить его да, хотел. Мамдзагли!¹⁶ Жаль, не получилось. Сбежал Пидо, успел в последний момент. Как будто его кто-то предупредил.

Они некоторое время ехали в безмолвии, глядя по сторонам. Но поручик, видимо, не мог долго молчать:

– Вот третьего дня объявился в Сигнахском уезде брат Тухо, тоже абрек. Зовут Динда-Пето. Он хоть и младший, а сволочь похлеще старшего. Заправлял в Бакинской губернии, попался, бежал из тюрьмы. Скрывался два года в Персии, где тоже отличился в дурном смысле. И вот приехал, чтобы найти меня.

– Найти вас?

– Да. Мы с ним теперь кровники, он поклялся отомстить.

– Откуда вы знаете?

– В горах такие вести расходятся быстро, – ответил Абазадзе.

– И... вы не боитесь?

– Нет. Грузину не пристало трусить. Вот схватимся, тогда и поймем, кто чего стоит. Если Динда так хорош, как о нем говорят, то будет интересно. С храбрецом биться – большая честь!

– Зная абреков, легко предположить, что он постарается подстрелить вас из-за угла, украдкой, как убили вашего батюшку, – возразил сыщик. – А не в открытом бою.

– Может быть и такое, – согласился поручик. – Что ж, кисмет! Это значит: от судьбы не уйдешь. А бояться – недостойно мужчины.

Он ехал, беззаботно улыбаясь, и говорил, не выбирая слов. Было видно, что человек не рисуется. Лыков знавал немало храбрецов, но этот был особенный. В бой хорошо с ним идти, надежно, подумал сыщик.

Фазтон между тем катил и катил. Гомборы находятся на Кахетинском шоссе, соединяющем Тифлис с Телави. Движение было бойкое: в оба конца ползли арбы с грузами, военные фуры, частные дрожки и линейки с дачниками. Урочище славилось хорошим климатом, и тифлисцы уже начали, не дожидаясь жары, перебираться за город. Дорога шла вдоль живописного русла Иоры. Полицейские проехали Мухровань. Слева тянулись бесконечные леса, над ними возвышалась коническая вершина Вераны. Скоро перевал, а оттуда до селения рукой

¹⁶ Мамдзагли! – Собачий сын! (груз.)

подать, сообщил Абазадзе. Он снял фуражку, взъерошил волосы и напевал тихонько: «Как увижу балкон белый, сердце бьется еле-еле...»

Вдруг поручик осекся на полуслове. Лыков удивленно оглянулся на него: лицо парня сделалось бледнее мела.

– Что с вами?

– Вы, Алексей Николаевич, главное, ничего не делайте, просто стойте.

– Да что случилось?

– Может, тогда они вас не убьют.

Когда до коллежского советника дошел смысл последних слов, он лихорадочно полез в карман. Но вынуть револьвер не успел: Абазадзе схватил его за руку и не отпустил.

– Прошу вас, не надо! Постарайтесь спасти хотя бы себя.

Алексей Николаевич легко мог вырвать руку, но не сделал этого. В тот момент он сам не понял почему. Осознал лишь потом. Но тогда замешкался, а когда повернул голову, коляску уже окружили конники. Девять человек взяли полицейских в кольцо и навели на них винтовки.

Вперед выехал туземец с крашеной бородой, весь обвешанный оружием.

– Ну, собака, узнал меня? Узнал свою смерть?

– Да, я тебя узнал, Динда-Пето.

Поручик встал в фаэтоне во весь рост. Голос его не дрогнул; он смотрел на абрека с вызовом.

Несколько разбойников полезли в экипаж, грубо обыскали седоков. У Лыкова забрали револьвер, часы, бумажник и полицейский билет. Сопrotивляться было бесполезно.

– Кто это с тобой? Тоже полицейский?

– Он ни при чем в нашей распре, отпусти его.

Абрек взъярился:

– Ты еще будешь мне указывать?! Ты, мертвец!

Ему подали документы сыщика, и он прочитал вслух по слогам:

– Де-пар-та-мент по-ли-ции. Шайтан, я так и подумал.

Коллежский советник лихорадочно соображал. Дело плохо: они окружены и обезоружены, бандиты держат их на прицеле. Дорога, только что оживленная, вдруг опустела. Повозки, завидев издали, что делается, разворачивались и улепетывали. Помощи ждать было неоткуда.

Тут Абазадзе заговорил, так же спокойно, без дрожи в голосе:

– Динда-Пето, если ты мужчина, то дерись, как мужчина. Я убил твоего брата в честном бою. Верни мне шашку, и мы сразимся. Пусть твои товарищи рассудят наш поединок.

Разбойники одобрительно загудели: храбрая речь поручика понравилась им. Но главарь без предупреждения нажал на курок. Раздался выстрел, пуля угодила Абазадзе прямо в сердце. Он свалился из фаэтона на дорогу. Ахнув, сыщик бросился ему на помощь. Посадил, приклонил к колесу. Кровь хлестала из раны фонтаном, заливая мундир и шаровары. Посмотрев пистерцу в глаза, умирающий успел сказать:

– Только ничего не делайте... себя спасайте...

В глазах у Лыкова потемнело. Он распрямился над мертвым, сжал кулаки. Кочи¹⁷ смотрел на него с седла, играясь дымящимся маузером.

– Что, хочешь за ним следом? Гляди у меня. Кто такой, зачем ехал?

Скулы у сыщика свело, ноги едва держали. Кажись, отбегался... Кто же оставит свидетеля убийства полицейского в живых? Но вдруг Динда-Пето сказал:

– Передай там, что это сделал я. Казнил кровника, как обещал. Передашь?

Сыщик кивнул, не в силах вымолвить хоть слово.

– Язык проглотил, нечистое животное?

---

¹⁷ Кочи – главарь шайки татарских разбойников.

– Пе... передам.

– Еще раз попадешься – шкуру спущу!

Абрек скомандовал что-то по-татарски, и его люди сбились в отряд. Мигом распрягли полицейских лошадей, оседлали их, а своих сповоженных взяли за уздечки. Сыщик смотрел на них и ждал выстрела в упор. Между тем Динда-Пето гикнул, после чего шайка скрылась в ближайшем лесу. Все произошло в считанные секунды. Только что Лыков стоял под дулами винтовок и молился – и вот уже никого нет. Лежит мертвый поручик, причитает перепуганный кучер, высоко в небе поют птицы. Жизнь продолжается. И он, Лыков, тоже живой, ни царапины на нем. Вот только как теперь объяснить людям, почему он цел и невредим, а его спутник умер? И питерец ничего не сделал, чтобы помочь товарищу.

Потом сознание сыщика отключилось. Напряжения последних минут, когда жизнь висела на волоске и зависела от каприза дикого горца, нельзя было дальше переносить. Лыков опустился на землю и, словно во сне, затянул старую солдатскую песню:

– По фронту наш полковник
Отважный проскакал.
«Ребята, не робейте», —
Он ласково сказал.
Кавказские вершины,
Увижу ли вас вновь?
Вы, горные долины,
Кладбища удальцов.

Сколько он так бубнил, Лыков не знал. Но потом сознание вернулось. И он увидел себя сидящим на пыльной дороге: он пялился на конус Вераны и пел... Вокруг стояли люди, много людей, и смотрели на него. Крестьяне в синих чухах¹⁸, какие-то разряженные господа, солдатик с артиллерийскими погонами... В душе Лыкова вспыхнула надежда: а вдруг ему померещилось, вдруг это просто затмение? Однако стоило ему повернуть голову, как он увидел у своих ног труп поручика Абазадзе. Кровь уже застыла, лицо, недавно такое красивое и мужественное, потемнело.

Дальше началось трудное возвращение в Тифлис. Экипаж привязали к арбе, погрузили в него тело офицера. Рядом сел коллежский советник; возница перебрался к крестьянам. И скорбный поезд тронулся. Они едва плелись и оказались возле полицейского управления только под вечер. Но там уже знали про нападение. Губернатор Свечин и помощник полицмейстера Шмыткин выбежали к подъезду, на руках внесли убитого в общую комнату и положили на диван. Явились все свободные от дежурства и окружили покойного. Было тихо, никто не мог вымолвить ни слова... Потом Свечин подошел к питерцу, неожиданно обнял его и с чувством сказал:

– Слава богу, хоть вы живы! Абрек оставил вас, чтобы передать сообщение?

– Да. Не думал...

– С жизнью уже простились?

– Именно так.

– Вы, Алексей Николаевич, не интересовали Динда-Пето. Он мстил кровнику, а вы лицо постороннее. Мог убить за то, что полицейский, но решил использовать как почтальона. Да... Вот так мы здесь и служим.

Лыков крепко взял полковника за руку и сказал, глядя в упор:

---

¹⁸ Чуха – черкеска.

– Иван Николаевич. Я ведь даже не попытался сопротивляться. Пальцем о палец не ударил, не заступился за мальчишку. Как так? Георгиевский кавалер...

– Но...

– Хотел достать наган, так Абазадзе схватил меня за руку и держал.

– Вот! – обрадовался Свечин. – Что вы могли поделать?

– И мог, и должен был! – ожесточенно выкрикнул сыщик, не обращая уже внимания на то, что подумают окружающие. – Сражаться – вот что я должен был делать! Но тогда лежал бы сейчас рядом с поручиком. И это, понимаете, это меня остановило. Я испугался за свою жизнь. И позволил убить мальчишку безнаказанно.

– Ваше геройство ничего бы не изменило, только погубило бы еще и вас.

– Хоть умер бы с честью.

– И что потом? Мертвый есть мертвый. Нет, живите. Помните об Арчиле, однако живите. Богу виднее, сколько отмерено вам на этом свете. Пока живой, вы можете сделать немало хорошего. Вот и делайте. А мусолить свою слабость... Думаете, я не трусил? Да нет такого человека, который никогда бы не отступал.

– Абазадзе держался храбро.

– Он вовсе не мальчишка, а офицер. Сознательно сделал выбор.

– Он-то сделал, а я?

Свечин осторожно высвободил руку и ответил:

– А вы теперь живите с этим. Понимаю, трудно. Но куда деваться? И поверьте, все мы рады, что хоть вы уцелели. Никто вас не осудит, разве какой дурак. Никто!

– Он, умирая, сказал то же самое, – вспомнил Лыков. – «Себя спасайте».

Тут сыщик сообразил, что это звучит как оправдание, и смутился. Но Свечин сам взял его за плечо, тряхнул и произнес:

– Видите, Арчил думал так же. Подвиг тоже должен знать время и место. Бессмысленная смерть – это не храбрость, а глупость.

Алексей Николаевич понимал, что его уговаривают, но все равно стало чуть легче. И тут пришло решение, определившее дальнейшие поступки сыщика.

– Господа, мне надо с вами поговорить!

Свечин и Шмыткин послушно двинулись за ним. В кабинете полицмейстера Лыков обратился к его помощнику:

– Мне нужны винтовка с патронами и лошадь.

– Кузьма Степанович, не вздумай! – тут же вскинулся губернатор.

– А и не вздумая, я себе не враг, – ответил Шмыткин. – Командированного убьют, а грех на мне будет.

– Господа, вы не поняли. Я все равно это сделаю. С вами или без вас.

– Возьмите казаков, тогда я помогу, – предложил Иван Николаевич.

– Чтобы поставить на кон и их жизни? Нет, увольте.

– Алексей Николаевич, прошу вас взять себя в руки, – рассудительно начал коллежский асессор. – Ну, случилось так. С кем не бывает? Месть, что вы задумали, добром не кончится. Застрелят и вас, без всякой пользы. Что вы сделаете? Динда-Пето в горах как у себя дома. Полиция и конная стража столько времени уже не могут его поймать. Тут вдруг полковник из Петербурга приехал и поймал... Разве так бывает?

– Я бывший пластун, турецких языков взял без счета.

– Это когда было? Двадцать пять лет назад?

Лыков повернулся к губернатору:

– А вы? Тоже не захотите меня понять?

Тот машинально сел, озираясь. Нашел возле себя пепельницу, вынул пачку папирос и закурил. На это у полковника ушло минуты две. Потом он сказал:

– Поехали к Чачибая.

Свечин и Лыков отправились на угол Ермоловской и Конюшенной, в казарму конвой главначальствующего. Там в богато обставленной служебной квартире они нашли ротмистра.

Тот, как оказалось, тоже знал о происшествии на шоссе. Он обхватил питерца длинными сильными руками, словно они были давние товарищи, и сказал с сильным акцентом:

– Хорошо, хоть ты остался живой!

Сговорились они, что ли, подумал с раздражением сыщик. Ему казалось, что тифлисцы над ним издеваются. Но начальник конвоя выглядел искренне взволнованным. С кавказской непосредственностью он перешел с коллежским советником на «ты»:

– Мы, когда услышали, испугались за тебя. Арчил грузин, он знал, что делает, когда резал брата того абрека. А ты? Приехал по службе, обычаев не знаешь. Прости, что говорю... как это по-вашему? Фамильярно? Но у нас на Кавказе так.

– Арзакан Георгиевич, Лыков просит винтовку, – обратился к ротмистру губернатор.

Тот без раздумий кивнул:

– Дадим. Я понимаю, он решил мстить. Все дадим, вай, нельзя отказывать джигиту в таком деле!

– Винтовку, пятьдесят патронов, коня, – начал загибать пальцы сыщик. – Еще горскую одежду, самую простую, ношеную. Я заплачу.

– Зачем сказал «заплачу»? – рассердился Чачибая. – Все так получишь, ни абаса не возьмем.

– Еще мне нужны сведения, где скрывается Динда-Пето.

– Это не ко мне, – развел руками ротмистр.

– Трембель все знает, пусть скажет, – встрял полковник.

– А если он не захочет? – расстроился питерец.

– Я попрошу – сразу захочет, – уверенно заявил начальник конвоя. – Эту душонку беру на себя. – И тут же, без перехода, обратился к Лыкову: – Только возьми моих джигитов. Шестерых могу дать, больше не могу.

– Он собирается один, – пояснил Свечин.

Эмоциональный ротмистр накинулся на питерца:

– Вай, зачем один? Что ты там сделаешь один? Гор не знаешь, обычаев не знаешь.

– Арзакан, я скажу, а ты прими, – оборвал его Лыков. – Во-первых, спасибо за помощь. Никогда не забуду. А во-вторых, я пойду один. И это не обсуждается.

– Но почему, слушай?

– Хватит смерти Арчила Константиновича. Не стану я рисковать жизнями других людей.

– Но они на службе, им полагается рисковать.

– Тут личные счеты. Если хочешь – моя амбиция. Почему кто-то должен из-за нее подставлять голову?

Чачибая подумал и ответил:

– Это я могу понять. Но один! Бесполезно и глупо. Сколько у абрека людей?

– Там было восемь, он девятый.

– Ты же не сможешь перебить их всех в одиночку!

– Начну с кочи, а там посмотрим. Они еще не поняли, с кем связались.

Чачибая со Свечиным переглянулись и одинаково покачали головами.

– Ай, плохо... Что мы скажем Плеве, когда ты пропадешь в горах?

– Вячеслав Константинович меня знает, он поймет. Если вы боитесь взыскания, то напрасно.

– Мы не взыскания боимся, Алексей Николаевич, – возразил губернатор. – Что оно, когда речь идет о жизни и смерти?.. Нам с Арзаканом Георгиевичем совестно отпускать вас одного. Извините, на верную погибель!

– Шайку ловят уже давно, – напомнил Лыков. – И без толку. Приду я с казаками или конвойными джигитами. Как поступит Динда-Пето? Опять укроется в Персии.

– Скорее всего.

– То-то и оно. А один я шуму не наделаю, пролезу незаметно. Что-то да разузнаю. Логово вычислю. Тогда сразу приду к вам за помощью.

Последний аргумент убедил тифлисцев. Сыщик простился с полковником Свечиным и пошел в арсенал. Но на пороге остановился:

– Иван Николаевич, совсем забыл. А что Багдасаров?

– Куда он денется! – отмахнулся полковник. – Я телеграфировал начальнику дивизиона. За штабс-капитаном присмотрят. Возьмем его сами, не тратьте на это время.

В арсенале конвоя питерец выбрал себе винчестер с магазином на семнадцать патронов – излюбленное оружие, хорошо ему знакомое. Еще взял простой, но надежный кинжал и наган-самовзвод. Позаимствовал также патроны и молодую кобылу по кличке Лала. Горский костюм Лыков решил купить утром на Армянском базаре.

Спал он плохо: снился поручик Абазадзе, который просил его беречь себя. Едва встал с большой головой, как в дверь постучали. Вошел Скиба.

– Алексей Николаевич! Я узнал, что вчера случилось. Как вы?

– Хуже некуда, Максим Вячеславович. Стыдно...

– За что стыдно? За то, что живы остались?

– Конечно. Застрелили парня на моих глазах, а я стоял по стойке «смирно» и помалкивал.

– А кому было бы лучше, если бы убили еще и вас?

– Пустые слова, Максим Вячеславович. Вы же понимаете мои чувства.

Скиба осекся. Подумал, наверное: а что чувствовал бы я на его месте?

– Хорошо, не будем об этом. Хочу вот что предложить: переселяйтесь ко мне. Комната свободная есть. Маша будет о вас заботиться. Семейный уют и все такое.

– Спасибо, но я завтра уезжаю.

– Куда? В Петербург?

– Нет, по делам в уезд. Когда вернусь, навещу.

Они спустились в ресторан, выпили чаю. Скиба пытался отвлечь питерца от дурных мыслей, но это плохо ему удавалось. Лыков уже планировал свою, как он ее назвал про себя, карательную экспедицию. При этом думал: действительно ли он готов мстить? Вот так, любой ценой, невзирая на опасность? Притом за смерть поручика, с которым едва успел познакомиться. А что будет с Варенькой, если его убьют в горах? Принцесса Шурочка укатила в Париж и сейчас в положении; в конце лета должна родить. Сыщик может так и не узнать, кто у него появился, внук или внучка. Один в горах – это почти верная погибель. И все ради амбиции? Но он вчера столько накудахтал, что сейчас сдавать назад было уже поздно. Особенно неловко становилось за фразу «они еще не поняли, с кем связались».

Скиба ушел. Алексей Николаевич простился с ним рассеянно: он размышлял. Краснобай! Когда убивали поручика, стоял и смотрел. Мог же вырвать руку с наганом. Мог. Три-четыре секунды у него было, и за них сейчас особенно стыдно. Когда понял, что на дороге засада, и полез за револьвером, а парень перехватил и держал – вот тот самый роковой момент. Он, Лыков, георгиевский кавалер и бывалый человек, струсил. Понял, что если вырвет руку, тогда придется стрелять и умереть вместе с Абазадзе. И упустил эти секунды, сознательно дождался, когда уже будет поздно. Сделал вид, что не сообразил... Нет, так дальше не пойдет. Надо смыть позор. Стыдно перед тифлисцами, но еще больше перед самим собой. Значит, надо

идти в горы. И пусть он так и не узнает, кто у него родился, но хоть умрет с честью. Если же сейчас отступит, проглотит унижение, то как потом жить?

Разобравшись в своих чувствах, Алексей Николаевич успокоился. Решение принято, и оно правильное. Он начал действовать. Пересек Эриванскую площадь и оказался на Армянском базаре.

Если Татарский Майдан после обеда пустеет, то Армянский базар шумит с утра до вечера. Здесь можно купить все. На пяти улицах есть любые предметы, которые могут потребоваться человеку, – от золотых изделий до подштанников. Лавки представляют собой три стены, открытые наружу. На столах или прямо на земле разложены товары. В бакалах¹⁹ предлагают раннюю черешню и сушеные фрукты, в пурнях²⁰ – лепешки и лаваш; на синей бумаге красуются горки табака; рядом хурда-мурда²¹, где вперемешку с жалким барахлом попадаются настоящие древности. Шампанское из Цинандали продается бочками! Серебряники выставляют украшения с прекрасной бирюзой так называемого «старого завоза» – ее почти не осталось, и предметы стоят дорого. По соседству бахмачи²² шьют сапоги прямо по ноге заказчика. Портные на швейных машинках строят платье на туземный вкус. Женщин на рынке почти нет, только иногда пройдет грузинка под вуалью. Поэтому заказчики без смущения раздеваются прямо на улице и примеряют обновки. Тут же торгуются посуда с русских фабрик, контрабандные специи, мануфактура и – из-под полы – боеприпасы. За полтысячи можно купить и винтовку. Толкотня невероятная, и такое же дикое смешение рас. Рыхлый армянин, татарин с красной бородой²³, стройный перетянутый грузин и перс в аршинной смушковой шапке – все кричат и спорят о цене, отчаянно жестикулируя. То и дело слышны крики «хабарда!»²⁴. Муша – переносчик тяжестей – тащит на спине огромный тюк, а следом семенит покупатель. Жуликоватый кинто с подносом на голове предлагает рыбу и яйца. Его теснит на своей бочке тулухчи²⁵. Настоящий Восток...

Коллежский советник приобрел полный набор горской одежды: черкеску, бешмет, суконные шаровары, наборный пояс, мягкие ноговицы, вязанные чулки, башлык и бурку. Еще взял походное снаряжение: переметные сумы, котелок, чехол для винтовки, чай, сахар, консервы, спички, галеты. Нанял мушу и велел отнести все это в гостиницу. Пора было идти на совещание к Трембелю.

В приемной сыщика ждал полицмейстер Ковалев. Он, как и остальные вчера, первым делом заявил:

– Слава богу, что вы уцелели!

– Будет вам, Георгий Самойлович, – не сдержался питерец. – Что я за ценность такая?!

– Ну как же... – растерялся Ковалев.

Тут распахнулась дверь кабинета, и вышел Трембель.

– Хоть вы живы, Алексей Николаевич, – бухнул он с порога. – Очень рад! Плеве за вас голову бы мне отвернул.

– Позвольте перейти к сути дела? – тактично спросил сыщик.

– Да-да, конечно. Заходите.

Чиновники расселись, и статский советник тут же сообщил новость:

– Только что пришла телеграмма из Гомбор. Штабс-капитан Багдасаров убит.

– Убит?! – опешил Лыков. – Как, кем?

¹⁹ Бакал – фруктовая лавка

²⁰ Пурня – пекарня.

²¹ Хурда-мурда – старье.

²² Бахмач – сапожник.

²³ Мусульмане красили бороду хной для моложавого вида.

²⁴ Хабарда! – Посторонись!

²⁵ Тулухчи – водовоз.

– У себя дома, в собственной постели. Вместе с женой и трехлетним сыном.
– Звери какие... – пробормотал полицмейстер. – Не пожалели малютку. Но чьих рук дело? Удалось установить?

– Пропал денщик штабс-капитана рядовой Плотников. А также ценности и деньги. Замок не взломан.

– Он один орудовал? – не поверил Ковалев. – Что дал осмотр места происшествия?

– В Гомборах только полицейский урядник, не очень опытный. Он сообщил, что улики никаких. Подозревает Плотникова. Денщика ищут, пока не нашли.

– А не может быть так, что заматают следы? – поддал мысль Алексей Николаевич. – Я выехал его арестовывать, агенты «большой постирочной» каким-то образом узнали об этом и убрали Багдасарова.

Трембель строго посмотрел на сыщика поверх очков:

– Каким-то образом узнали?.. Вы на что намекаете – что у нас тут измена?

– Да по-другому было, – категорично заявил полицмейстер. – Мы же сообщались с командованием дивизиона? Вот оттуда и утекло. Лейба-телеграфисты²⁶ выдали, они за деньги мать-отца продадут.

– А ведь точно... – пораженный догадкой, вице-директор ударил кулаком по столу.

– Либо Плотникова подкупили, – подхватил сыщик. – Либо он тут вообще ни при чем.

– То есть? – не понял полицмейстер.

– Семью Багдасарова вырезали агенты «постирочной», а свалили на денщика. Прикончили беднягу, труп спрятали в горах. Инсценировали ограбление.

– Допускаю и такое, – скривился Карл Федорович. – Но о чем это говорит? О том, Алексей Николаевич, что ваша единственная ниточка оборвана. Как теперь искать то преступное сообщество, кое вы именуете «большой постирочной»?

– Теперь никак, – опять же категорично изрек Ковалев.

Питерец молчал. Да и что тут скажешь? Ниточка и впрямь была одна. У мертвого не спросишь.

– Что думаете делать, Алексей Николаевич? – сочувственно спросил Трембель. – Может, вам вернуться в Петербург? Мы возьмем эту историю на особый контроль. Чуть что узнаем – сразу сообщим. Агентуру мобилизуем, всю полицию на местах. Рано или поздно они попадутся.

– Сначала я отыщу Динда-Пето, – ответил Лыков. – А там будем решать.

Трембель нахмурился. Он буквально сверлил питерца взглядом.

– Я слышал о вашем намерении и отношусь к нему крайне отрицательно. Вынужден телеграфировать вашему начальству. Поймите, если с вами что-то случится, мы тут все ответим. Погоны полетят! А губернатор с начальником конвоя вчера позволили себе лишнее. Прошу вас передумать и не создавать нам дополнительных проблем. И без того голова кругом идет.

– Никакие погоны никуда не полетят, Карл Федорович, – отрезал сыщик. – Вы ни в коей мере не отвечаете за мою безопасность. Мне поручено министром вести дознание. Вот я и буду его вести – так, как считаю нужным.

– Не понял, – вскинулся начальник особого отдела. – Какая связь между убийством поручика Абазадзе, бандитом Динда-Пето и вашим дознанием? Вы что, думаете, это звенья одной цепи?

– Нет, я так не думаю, – терпеливо ответил Лыков. – Там, на дороге, абрек поджидал именно поручика. Обо мне он ничего не знал, пока не прочитал полицейский билет. Видимо, те же лейба-телеграфисты выдали несчастного Абазадзе. И вы правы, я готовлю вульгарную

---

²⁶ Лейба-телеграфисты – ироничное прозвище солдат-евреев, которых особенно много было в военно-телеграфных парках.

мечь. Но это мое право, Карл Федорович. Мое! Вы там не стояли под дулами винтовок, и на вас не лежит вина за смерть молодого человека.

– И на вас не лежит! Что вы тогда могли сделать?! – в один голос вскричали тифлисцы.

– Мог, но не сделал, – твердо ответил сыщик. – Но сделаю теперь. Дайте мне все, что у вас есть на Динда-Пето. Где его искать? Имеются у негодея сообщники или укрыватели?

Статский советник, неодобрительно качая головой, полез в стол. Достал папку, извлек из нее единственный листок.

– Ничего у меня нет, Алексей Николаевич. Почти ничего. Динда-Пето... Настоящее имя – Елизбар Чолоков. Уроженец селения Белоканы Закатальского округа.

– Так он джарский лезгин? – вскричал Лыков.

– Именно.

Джарские лезгины, населявшие Закатальский округ, имели на Кавказе самую дурную репутацию.

– Так, с корнями ясно, – констатировал Лыков. – Но где Динда-Пето может находиться сейчас? Есть сведения?

– Есть, – неожиданно обрадовал его статский советник. – По агентурным данным, абрек укрывается в селении Бочорма Тионетского уезда. А именно в доме крестьянина Фолат Гаджи Солтан-оглы, известного притонодержателя и местного разбойника.

– Почему же власти допускают Фолата жить спокойно у себя дома, если он известный разбойник?

– А у нас в горах каждый второй – разбойник. Прикажете всех переарестовать?

– Ну хоть самых наглых.

– Тюрем не хватит, и полиции тоже, – желчно парировал Трембель.

– Хорошо, я понял. Поеду и проверю, правду ли сообщил ваш агент. Спасибо за наводку.

На этом совещание закончилось. Лыков ушел, а полицмейстер остался. Когда Ковалев явился к себе в управление, оказалось, что питерец там его дожидается.

– Что-то еще, Алексей Николаевич?

– Так, пара вопросов, Георгий Самойлович. Скажите, что от вас потребовал Карл Федорович?

Полицмейстер смутился:

– Хм... Он просил держать в секрете.

– Трембель хотел, чтобы вы за мной проследили. Так?

– Так.

– Не надо этого делать, Георгий Самойлович. И не получится у вас, и вообще ни к чему.

– Но как же я не исполню приказ начальства?

– Скажете, что упустили из виду. Горы, то да се... Лучше покажите мне сейчас по карте, как добраться до этой Бочормы.

Два коллежских советника попросили чаю и сели за подробную карту губернии. В Грузии, как и в любой горной стране, мало дорог. Вот и в Тионети вел единственный тракт от Кахетинского шоссе. Других вариантов попасть туда не было.

– Ну, пожелайте мне удачи, – сказал на прощание Лыков. – Я сегодня съезжаю из гостиницы и ночую на квартире у Скибы. Это мой приятель, вместе служили в Петербурге.

– Я знаю.

– Завтра утром выступаю в Тионети. Не поминайте лихом, ежели что.

– С богом!

Полицмейстер крепко пожал сыщику руку. Видно было, что он мало верит в успех карательной экспедиции, но боится высказывать свои мысли вслух.

Ближе к вечеру Лыков переехал на Третью Водосточную улицу, вместе с кобылой. Лалу поставили во дворе, там нашлось пустое стойло. Алексей Николаевич посекретничал с хозяи-

ном квартиры. И когда стемнело, Максим Вячеславович вышел прогуляться – один, без гостя. Обогнул дом и быстро вернулся.

- Ну что? – налетел на него питерец.
- Один стоит на углу с Террасным переулком. Второй караулит на Крайнем подъеме.
- Значит, обходным маневром можно?
- Вроде бы да.
- Ну, Пресвятая Богородица, выручай!

Коллежский советник, одетый в горский костюм, спустился по черной лестнице во двор. Нагрузил на кобылу переметные сумы, вскочил в седло. Скиба тихо открыл заднюю калитку и вывел всадника в переулок. Там было темно и пусто. Стараясь не шуметь, Лыков двинулся в ночь. Он объехал своих караульщиков и долго пробирался на Бебутовскую улицу. Потом спустился по ней к Татарскому Майдану, безлюдному в это время. Справа над ним нависали скалы Сололаки, на фоне неба едва угадывались башни Нарикалы. Улицы ночного Тифлиса были плохо освещены, но сейчас это играло на руку сыщику.

Он не решился пересечь Куру по Метехскому мосту – слишком людное место. Спустился ниже, к Мнацакановскому, и уже по нему попал на левый берег. Собачья деревня встретила одинокого всадника такой темнотой, что хоть глаз выколи. Сообразно названию, из-за каждого забора доносился залиvistый лай. Лыков пришпорил кобылу. Несколько раз он сбивался с пути, плутая по темным проулкам. Спросить дорогу было не у кого, а те, кто попадался, смахивали на бандитов. Свистки паровозов подсказали направление, и в конце концов сыщик увидел справа казармы Драгунского Нижегородского полка. Здесь они проезжали тогда с Абазадзе... Отсюда лежал прямой путь через Гомборы в Кахетию.

На выезде из города, миновав казачью заставу, Алексей Николаевич оглянулся. Позади переливался огнями Тифлис. Впереди были темнота и возможная гибель. Лыков вынул винтовку из чехла и повесил за спину. Потом сжал шенкеля:

- Вперед, Лала!

Глава 6

В горах

Лошадь шла по шоссе ровной рысью. Сыщик был настороже. Темно и неудобно, зато никого вокруг. Сейчас бы сюда Калину Голунова, друга и наставника. Вот кто видел в ночи, как кошка... Но Калину давно зарыли в сахалинскую землю²⁷. Подошел бы барон Таубе, другой никталоп²⁸. Но он в Маньчжурии, воюет с японцами. Придется справляться самому.

Лыков не зря заметал следы. Он был уверен, что ему не дадут благополучно добраться до Бочормы, где-то окажется засада. От Тифлиса до селения шестьдесят верст. Большая часть пути идет по Кахетинскому шоссе. Позавчера на нем среди бела дня появился абрек Динда-Пето с шайкой из восьми всадников. Дерзость его удивила полицейских. Но второй раз на том же месте – это вряд ли. С Лыковым наверняка поступят иначе. Шоссе дадут проехать, но у селения Сасадило ему придется свернуть налево – там начинается дорога на Тионети. От поворота до старинной крепости Бочорма шесть верст или около того. Вот где устроят ему ловушку.

Идея сыщика состояла в том, чтобы оказаться на дороге раньше разбойников. Обследовать ее и найти место, наиболее подходящее для нападения. Вряд ли таких много. Абрек со своими людьми явится позже. Скорее всего, сейчас в одном с Лыковым направлении, но впереди него скачет другой всадник. Он везет Динда-Пето записку, в которой сообщаются планы питерца. Абрек узнает, что его противник выступит поутру и достигнет поворота на Тионети не раньше десяти часов до полудня. Шайка пойдет по тропе колонной в затылок друг другу. Лыков с винчестером встретит их на полпути – там он и посмотрит, чья возьмет. Первая пуля будет главарию... Тифлисскому начальству сыщик обещал поймать абрека, но сам уже решил, что убьет.

Так он ехал всю ночь, с перерывами, чтобы лошадь отдохнула. Дважды ему попадались какие-то люди: сначала двое, потом четверо. Они были очень подозрительны – явно искали добычу. Лыков передергивал затвор. Двое сочли за лучшее уйти в лес. Четверо начали было окружать одинокого всадника. Лыков не стал тянуть – выстрелом поразил ближайшего. Не убил, только ранил, но это даже лучше. Остальные обступили раненого и, поддерживая под руки, увели в темноту. Нечего налетать на бывшего пластуна!

Лала держалась молодцом. В утренних сумерках коллежский советник свернул с шоссе на боковую дорогу – она была разработана много хуже, и лошадь сразу сбавила скорость. Да и утомилась уже, бедняжка. Но сыщик был доволен: он проехал Сасадило, никем не замеченный. Теперь осталось так же скрытно определить место засады и затаиться там.

---

²⁷ См. книгу «Мертвый остров».

²⁸ *Никталоп* – человек, видящий в темноте не хуже, чем днем (*устар.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.